ОБЪ

УПРЕКАХЪ, ДѢЛАЕМЫХЪ ФИЛОСОФІИ

ВЪ

ТЕОРЕТИЧЕСКОМЪ И ПРАКТИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІИ,

ИХЪ СИЛѢ И ВАЖНОСТИ,

РѢЧЬ,

произнесенная

ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО Университета Св. Владиміра,

15 Іюля 1837 года,

Ординарнымъ Профессоромъ Философіи,

ОРЕСТОМЪ НОВИЦКИМЪ.

КІЕВЪ.

Въ Университетской Типографіи.

1838.

Ὦ μακάριε, μὴ πάνυ οὕτω τῶν πολλῶν κατηγόρει. ἀλλόιαν τοὶ δόξαν ἔξουσιν, ἐν αὐτοῖς μὴ Φιλονεικῶν, ἀλλὰ παραμυθούμενος, καὶ ἀπολυόμενος τὴν τῆς Φιλομαθείας διαβολὴν, ἐνδείκνυε οὓς λέγεις τοὺς Φιλοσόφους, καὶ διορίζου, ὥσπερ ἄρτι, τήν τε Φύσιν αὐτῶν καὶ τὴν ἐπιτήδευσιν· ἵνα μὴ ἡγῶνταί σε λέγειν οὓς αὐτοὶ ὄιονται.

Plato de Repub. Lib. VI. p. 499.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
968
55

По опредѣленію Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Университета Св. Владиміра, печатать позволяется. Кіевъ, 1 Сентября, 1837 года.

Ректоръ *К. Неволинъ.*

ММ. ГГ.,

У всѣхъ образованныхъ народовъ, съ самыхъ древнихъ временъ, науки были предметомъ уваженія и похвалъ; издревле признавали ихъ особеннымъ даромъ боговъ, и нынѣ признаютъ ихъ украшеніемъ и лучшимъ достояніемъ человѣческаго рода. Если та, или другая наука въ частности можетъ не имѣть особеннаго достоинства для лицъ того, или другаго сословія и потому не возбуждаетъ общаго къ себѣ вниманія и участія: то тѣмъ не менѣе каждая изъ нихъ можетъ находить для себя истинныхъ цѣнителей въ другихъ званіяхъ и состояніяхъ людей. — Не такъ щастлива судьба философіи. Среди торжества другихъ наукъ, едва ли не она только издревле была предметомъ болѣе порицаній, чѣмъ похвалъ. Ей дивились и посвящали жизнь свою лишь немногіе мудрецы; а цѣлая масса людей нефилософствующихъ всегда была то равнодушною къ ней, то враждебною для нея; ее превозносили похвалами Платоны и Цицероны, но общій голосъ народа нигдѣ и никогда не бывалъ въ ея пользу. Еще въ первыя времена своего появленія въ благодатной Индіи, — у одного изъ самыхъ философствующихъ народовъ древняго Востока, она испытывала уже неприязненную судьбу! Въ щастливой Эллядѣ, столько прославленной геніальными ея мыслителями, она подвергалась изгнаніямъ, испивала чашу смертную; и въ самое цвѣтущее время ея развитія у Аѳинянъ, Великій Платонъ чувствовалъ потребность защищать ее отъ предубѣжденія народнаго. Среднія времена имѣли также своихъ философовъ; — и не мало жертвъ философіи. Въ дни новѣйшей гражданственности, въ самыхъ образованныхъ націяхъ Европы, богатыхъ мыслителями отличными, не менѣе замѣтны въ публикѣ то нерасположенность, то не заслуженное равнодушіе къ любомудрію. И въ нашемъ Отечествѣ, встрѣчаетъ ли философія тотъ общій привѣтъ, то общее вниманіе и участіе, которыхъ ожидать ей надлежало бы? Не многіе у насъ пишутъ о ней, и то по большей части для того, чтобъ высказать свои замѣчанія и мысли въ ея осужденіе!

Въ двухъ главныхъ отношеніяхъ можно разсматривать философію: можно разсматривать ее *въ ней самой, какъ науку*, и можно слѣдить за нею въ дальнѣйшемъ ея *примѣненіи къ практическимъ выгодамъ и цѣлямъ жизни*. Въ томъ и другомъ отношеніи философія равно подвергалась и подвергается нарѣканіямъ и осужденіямъ. Предающіеся точнымъ наукамъ, отрицаютъ достоинство философіи, какъ науки; а тѣ, которые живутъ и дѣйствуютъ преимущественно для цѣлей практическихъ, — отрицаютъ значеніе философіи въ ея примѣненіи практическомъ.

Справедливы ли основанія такихъ взглядовъ на философію, — это предметъ, разсмотрѣнію котораго я желаю посвятить теперь нѣсколько минутъ. Не думаю, чтобъ не выгодное о ней мнѣніе публики не имѣло никакихъ причинъ и побужденій; но твердо также увѣренъ, что философія, понимаемая въ ея истинномъ смыслѣ, имѣетъ полное достоинство, какъ наука, и самое высокое значеніе въ примѣненіи практическомъ. Чувствую, какъ трудно быть судьею въ этой тысящелѣтней тяжбѣ философіи съ мнѣніемъ общественнымъ, но тѣмъ не менѣе сознаю внутреннюю потребность принять самое живое участіе въ судьбѣ ея; знаю, что слабый голосъ мой не можетъ противостать голосу многихъ; но тѣмъ не менѣе признаю справедливымъ, — въ этомъ святилищѣ наукъ, гдѣ по волѣ Августѣйшаго Монарха созданъ притворъ и для философіи,—по возможности защищать ее отъ предубѣжденій и недоразумѣній.

I.

Тѣ, которымъ не нравится философія, какъ наука, не удовлетворяются ею безъ сомнѣнія потому, что она не удовлетворяетъ справедливымъ требованіямъ науки. И дѣйствительно; три должно быть существенныхъ принадлежности въ каждой наукѣ, понимаемой въ истинномъ ея значеніи: во первыхъ, *содержаніе*, раскрытіемъ и уясненіемъ котораго должна заниматься она; во вторыхъ, опредѣленный *способъ воззрѣнія* на это содержаніе; и въ третьихъ та *форма*, въ которой она выражаетъ свои представленія и понятія о данномъ предметѣ. И во всѣхъ этихъ отношеніяхъ философія равно представляетъ поводы къ осужденію.

1. Дѣло слишкомъ знакомое каждому, кто хотя сколько нибудь занимается науками, что каждая изъ нихъ должна имѣть содержаніе, и притомъ содержаніе *дѣйствительное, опредѣленное и ей одной принадлежащее*. Удовлетворяетъ ли философія этимъ первымъ и непремѣннымъ требованіямъ науки?

Содержаніе каждой науки обыкновенно выражается въ ея опредѣленіи. Что жъ говорятъ намъ о философіи всѣ донынѣ извѣстныя намъ ея опредѣленія?

Съ перваго взгляда представляется каждому, что прямой отвѣтъ на этотъ вопросъ не можетъ послужить въ пользу философіи.

Въ самомъ дѣлѣ, послѣдуя мысленно за философствующимъ человѣчествомъ,— отъ перваго появленія философіи до настоящихъ временъ, — мы почти нигдѣ не найдемъ и двухъ самостоятельныхъ мыслителей, которые согласились бы между собою въ общемъ понятіи о философіи. Каждый изъ нихъ смотритъ на вещи своимъ особеннымъ способомъ, и признавая прежніе взгляды на философію недостаточными и нефилософскими, даетъ новое, не рѣдко совершенно противоположное прежнимъ понятіе о существѣ ея; но послѣдующій мудрецъ тоже дѣлаетъ съ опытомъ предшественника, и въ свою очередь извѣдываетъ туже судьбу въ потомствѣ. — Удивительно ли послѣ этого, что скептики и противники философіи отвергаютъ дѣйствительность ея содержанія? При мысли о томъ, что философія, въ теченіи тысящелѣтій, не успѣла и донынѣ установить понятіе о содержаніи своемъ, что напротивъ она безпрерывно теряется въ самыхъ противорѣчущихъ взглядахъ на саму себя, — какъ не притти къ тому заключенію, что и никогда она не установитъ понятія о самой себѣ, что по этому, предметъ философствованія зависитъ только отъ прихоти каждаго, есть не болѣе, какъ произвольная мечта праздnаго ума, и что слѣд. содержаніе философіи, собственно говоря, не есть содержаніе годное для науки?

И однакожъ, мы не справедливо бъ укоряли философію въ недостаткѣ дѣйствительнаго содержанія, еслибъ остановились на этомъ первомъ, и довольно поспѣшномъ заключеніи. Наше сужденіе о ней былобы слишкомъ пристрастнымъ, еслибъ по невѣрности опредѣленій философіи мы захотѣли дѣлать рѣшительное заключеніе о ничтожествѣ и произвольности ея содержанія,—тогда какъ понятіе зависитъ отъ предмета, но предметъ не зависитъ отъ понятія. Еще и донынѣ эстетики не согласились въ понятіяхъ объ изящномъ и сущности искуства: а между тѣмъ изящныя искуства и вѣрный эстетическій вкусъ уже издавна существуютъ и безъ понятій о нихъ. Еще и теперь спорятъ о верховномъ началѣ нравственности, о существѣ религіи; а между тѣмъ добродѣтель и духъ благочестія не ждутъ, пока согласятся въ понятіяхъ о существѣ ихъ; напротивъ, самыя понятія эти слѣдуютъ за развитіемъ добродѣтели и благочестія.—Такъ точно и въ философіи; ея существенное содержаніе вовсе не зависитъ отъ общегоднаго, окончательнаго опредѣленія; напротивъ, это опредѣленіе можетъ установиться только тогда, когда ея содержаніе будетъ развито по всѣмъ возможнымъ для него направленіямъ.

Въ чемъ же именно заключается это содержаніе философіи?—Оно такъ близко къ намъ самимъ, что искать и находить его не стоитъ почти никакого труда: оно положено во глубинѣ нашего собственнаго духа. Гдѣ и когда ни развивалась

бы философія, какое направленіе ни принималабъ она, подъ какимъ бы именемъ и опредѣленіемъ ни являлась, — всегда и вездѣ она трудится надъ однимъ и тѣмъ же великимъ дѣломъ. Раждаясь во глубинѣ человѣческаго духа, она хочетъ озарить его новымъ свѣтомъ вѣдѣнія — свѣтомъ отчетливѣйшей мысли, и для того покушается низойти до коренныхъ актовъ нашего сознанія, развить эту невещественную точку нашего бытія и преслѣдовать его по главнѣйшимъ путямъ его движенія. А сознаніе, какъ извѣстно, выступая изъ себя, ограничивается въ стремленіи своемъ чѣмъ-то сторонниимъ, — предметами познанія; и, отражаясь отъ нихъ къ самому себѣ, поставляетъ себя центромъ, а всѣ прочіе предметы — окружностію познаванія; но эта окружность отражается въ нашемъ сознаніи только идеально, а не реально, потому что дѣйствительное бытіе вещей не зависитъ отъ нашего сознанія и познанія. Оттого сознаніе первоначально полагаетъ также нѣчто выше себя и всего прочаго міра, нѣчто такое, въ чемъ нѣтъ центра и окружности, а единая безконечность, въ чемъ всякое вѣдѣніе и бытіе составляютъ одинъ предвѣчный способъ существованія и самое существо. Такимъ образомъ, въ перворазвивающемся сознаніи поставляется познающій себя духъ, ограничиваемый въ своемъ стремленіи предметами внѣшними, поставляется міръ внѣшній, опредѣляемый идеально сознающимъ духомъ, и сверхъ того признается существо ничѣмъ неограничиваемое, высшее нашего познающаго духа и познаваемаго міра, — Богъ. Въ этихъ-то предметахъ сознанія философія находитъ свое содержаніе, надъ развитіемъ и уясненіемъ котораго должна трудиться непрестанно. Что внѣ этихъ предметовъ сознанія философія не можетъ искать и находить для себя содержанія,—это само по себѣ ясно, потому, что внѣ круга нашего сознанія нѣтъ и быть не можетъ для насъ никакого познанія. Что эти предметы философія, хотя иногда безъ отчетливаго уразумѣнія, однако дѣйствительно, всегда и вездѣ, поставляла своимъ содержаніемъ, — о томъ свидѣтельствуетъ намъ ея исторія;—были философическія школы и системы, даже огромныя эпохи философіи, въ которыя она обращала испытательный взоръ свой преимущественно на тотъ, или другой предметъ нашего сознанія, но и это для того только, чтобъ послѣ перейти къ остальнымъ.

Эти предметы сознанія не суть только отвлеченности логическія. Человѣкъ, какъ лице свободно-дѣйствующее, внѣшняя природа, и Причина причинъ, существуютъ безъ всякаго сомнѣнія, дѣйствительно. И слѣд. содержаніе философіи есть *самое дѣйствительное содержаніе*, а не мечта празднаго духа. —

Но послѣ этого тотчасъ скажутъ намъ: предметами сознанія не указывается ли на всю безпредѣльность сущаго, потому что кромѣ сознающаго духа, сознаваемаго міра и Первопричины того и другаго нѣтъ и быть не можетъ ничего болѣе? А если это справедливо, то содержаніе философіи, не есть ли нѣчто безграничное и *неопредѣленное* до того, что она сама не знаетъ, гдѣ и какъ взять-

ся ей за предметъ свой? — Къ тому жъ, всеобщность предметовъ уже распредѣлена по участкамъ между другими науками, и слѣд. — содержаніе Философіи не принадлежитъ ли, хотя по частямъ, другимъ наукамъ такъ, что она пользуясь достояніемъ чужимъ, не можетъ уже имѣть никакой *самостоятельности* относительно предмета своего? —

Мысль объ этой неопредѣленности Философіи — не безъ основанія. Всѣ другія науки, не могши обнять однимъ взглядомъ совокупности предметовъ, раздробляютъ ихъ на части отдѣльныя и вставляютъ предметы свои въ рамы болѣе или менѣе тѣсныя и опредѣленныя; между тѣмъ Философія, расширяя область свою въ безпредѣльность, созерцаетъ все сущее какъ бы заключеннымъ въ одной необъятной панорамѣ: и человѣка и человѣчество, и духа и вещество, жизнь и смерть, конечное и безпредѣльное, потому что обо всемъ этомъ можно философствовать, — все это должно быть проникнуто Философіею, оживлено, прояснено ею. И однакожъ, при самой безпредѣльности вещей, ей представляющихся, она умѣетъ опредѣлить и установить свое содержаніе, какъ непререкаемую собственность, обозначая его *существенную сторону*, и обращаясь къ *особенному источнику* для познанія своихъ предметовъ.

Содержаніе Философіи составляютъ существенные предметы нашего сознанія; слѣд. это содержаніе есть нѣчто непосредственно намъ данное, нѣчто первоначально положенное въ природѣ нашего мыслящаго духа. Но въ природѣ мыслящаго духа нашего первоначально нѣтъ ничего, кромѣ собственной его природы. Въ нашей мыслящей и познающей силѣ нѣтъ ничего первоначально, кромѣ всеобщихъ условій мышленія и познаванія, кромѣ тѣхъ законовъ, по которымъ мы понимаемъ всякое бытіе, кромѣ тѣхъ формъ единства и необходимости, которыя существенно принадлежатъ нашему самодѣятельному разуму. Какъ расположены предметы природы внѣшней, что совершалось въ жизни человѣчества, — объ этомъ не извѣщаетъ насъ, сама по себѣ, наша разумная природа; но логическіе законы мышленія, чистыя предписанія права и обязанности, всеобщіе законы, которымъ подчиняется всякое бытіе въ природѣ, высокія идеи Божества и жизни вѣчной, — это положено въ нашемъ собственномъ разумѣ, и каждый человѣкъ носитъ въ самомъ себѣ условія потребныя для того, чтобъ дойти до уразумѣнія ихъ и самоубѣжденія въ нихъ; нужно только размышленіе, нужно развитіе того, что заключено въ насъ.

И такъ не смотря на то, что взглядъ философическій простирается на все бытіе, что Философія, обнимая всѣ предметы вѣдѣнія, а съ ними вмѣстѣ, и всѣ отдѣльныя науки, по праву именуется *наукою обо всемъ, наукою наукъ*, не смотря на это, она не поставляетъ содержаніемъ своимъ безконечнаго разнообразія вещей, которое не можетъ быть обнято никакимъ сознаніемъ конечнымъ; она

не заключаетъ въ себѣ частнаго содержанія всѣхъ прочихъ наукъ; такая наука не возможна для людей; она противорѣчитъ природѣ человѣческаго познанія. Не разнообразныя явленія бытія, а только его общія формы, его законы поставляетъ предметомъ своимъ Философія; она есть *наука обо всемъ* только въ томъ отношеніи, что приводитъ къ сознанію законы и основанія всякаго бытія; она есть *наука наукъ* только потому, что содержитъ въ себѣ условія, начала и формы всякаго вѣдѣнія. Она исключаетъ изъ своей области все то, что въ частности можетъ быть подчиняемо общимъ законамъ и формамъ бытія; только эти *формы и законы составляютъ ея истинное содержаніе,* на которое не могутъ имѣть притязанія другія науки.

Правда, и другія науки не всегда ограничиваются однѣми частностями, а нерѣдко восходятъ къ законамъ общимъ, занимаются не столько самими вещами, сколько ихъ формою. Такъ напр. естество-знаніе не удовлетворяется несвязными явленіями, отдѣльными наблюденіями и опытами, какъ не полными и отрывочными отвѣтами природы, а доискивается основаній наблюденіямъ и опытамъ, общихъ законовъ цѣлаго круга явленій. Но при всемъ томъ, общіе законы и формы, какъ ближайшее содержаніе Философіи, далеко отличны отъ всѣхъ другихъ законовъ и формъ, по самому *источнику,* изъ котораго почерпается познаніе объ нихъ. — Три есть источника непосредственнаго познаванія: *наглядность, чистое воззрѣніе* и *чистый разумъ* съ его идеями. Науки естественныя почерпаютъ свои свѣдѣнія изъ *наглядности,* обращаясь къ свойствамъ и дѣйствіямъ предметовъ; самые законы ихъ для извѣстнаго рода явленій суть не иное что, какъ сведеніе усмотрѣній къ единству посредствомъ простаго, эмпирическаго синтеза, есть не болѣе какъ обобщеніе наглядныхъ же частностей посредствомъ наведенія. Но всеобщіе законы бытія, разсматриваемые Философіею, не могутъ быть взяты отъ опыта, потому уже самому, что они всеобщи; ихъ *первоначально созерцаетъ* въ самомъ себѣ *нашъ разумъ,* какъ свою собственную природу; открываетъ ихъ не дѣйствіемъ синтеза, а анализа; не доходитъ до высочайшаго закона своего, закона единства, путемъ обобщенія частностей, а напротивъ, созерцая законъ единства въ самомъ себѣ, въ собственныхъ идеяхъ, и раздробляя его на части, отражаетъ его какъ бы въ раздробленныхъ лучахъ свѣта, въ различныхъ представленіяхъ: — въ представленіи единства въ нашемъ познаніи, въ представленіяхъ объ одной истинѣ, одномъ мірѣ, одномъ основаніи всякаго бытія. — Болѣе сходства съ Философіею представляютъ намъ науки математическія, обращенныя къ формамъ единства. Математическія формы, построеваемыя въ чистомъ *воззрѣніи,* суть представленія пространства и времени, отвлеченныя отъ всякаго эмпирическаго содержанія; подъ эти формы подпадаетъ уже каждый чувственно воззрѣваемый предметъ, опредѣляясь по времени и пространству, слѣд. онѣ, — какъ и общія формы разсматриваемыя въ Философіи,— положены въ насъ прежде всякаго возбужденія внѣшняго и принадлежатъ само-

дѣятельности нашего духа. Но при этомъ сходствѣ тѣхъ и другихъ формъ есть между ими значительное различіе. Чистыя формы математическихъ воззрѣній принадлежатъ самодѣятельности *духа чувственной*, потому что годятся только для предметовъ чувственныхъ; между тѣмъ какъ философическое познаніе возвѣщаетъ формы свои, какъ формы познанія вообще, и потому онѣ принадлежатъ самодѣятельности *разума*, отъ котораго отражаются первоначально въ нашемъ сознаніи. Оттого, чистыя формы математическаго воззрѣнія, хотя также суть формы единства, по которымъ былевыя усмотрѣнія приводятся къ формамъ пространства и времени, — но формы *единства внѣшняго*, связующія разнообразіе наблюденій по внѣшнимъ отношеніямъ ихъ преемственности и послѣдовательности; а формы чистаго разума суть формы *внутренняго* единства, опредѣляющія собою внутреннія отношенія всѣхъ вещей.

Философія, почерпающая познаніе всеобщихъ законовъ и формъ бытія изъ самодѣятельности нашего разума, изъ его идей, конечно, не отвергаетъ участія и низшихъ силъ души: всѣ онѣ приносятъ дань философіи, всѣ хотятъ быть органомъ ея вѣщаній. Память предлагаетъ ей сокровища мудрости, которыя философствующіе умы различныхъ временъ и мѣстъ завѣщали потомству; чувство представляетъ ей необъятное разнообразіе природы и явленій нашего собственнаго, внутренняго міра; разсудокъ зиждетъ для нея новый міръ мыслей, сводящій все разнообразіе явленій къ двумъ главнымъ началамъ, — веществу и духу. Но все это для того только, чтобъ разумъ озарилъ этотъ двусторонній міръ, съ его разнообразіемъ, своимъ высшимъ свѣтомъ идей и внесъ въ него жизнь, единство, гармонію. За то, ни одна низшая сила духа, сама по себѣ, не имѣетъ особеннаго значенія для философіи. Какъ бы ни обширна была память, но она можетъ обнимать только прошедшее, а не настоящее и будущее. Какъ бы ни пространенъ былъ кругъ дѣятельности нашихъ чувствъ, вооруженныхъ даже всѣми пособіями искуства, все еще этотъ кругъ будетъ слишкомъ малъ и ограниченъ въ безпредѣльномъ кругѣ прироты. Какъ бы ни высоко было зданіе понятій, построеваемыхъ разсудкомъ, а все еще оно не достигнетъ до неба, до того единаго Всесущественнаго, въ которомъ заключено все. Философія требуетъ непреходящаго, вѣчнаго: а вѣчное отражается только въ идеяхъ; философія требуетъ неограниченнаго, безпредѣльнаго: а безпредѣльное отражается въ идеяхъ же; философія требуетъ неизмѣняемаго, существеннаго: а существенное отражается также въ идеяхъ. Міръ идей есть родина философіи. Тамъ зараждается она; оттуда черпаетъ свои силы и является въ міръ дольный, какъ провозвѣстница горняго.

2. Но это происхожденіе философіи изъ высшей области духа, изъ области самодѣятельнаго разума, и потому самый *способъ ея воззрѣнія* на вещи, ея взглядъ, возвышающійся надъ обыкновенною сферою опыта, издавна были предметомъ

укоризнъ ея, какъ науки. — Правда, нынѣ уже никто не отвергаетъ умозрѣнія, какъ вещи вовсе небывалой; въ наше время, послѣ обширныхъ и глубокихъ изслѣдованій человѣческаго духа, произведенныхъ преимущественно Кантомъ и замѣчательнѣйшими его послѣдователями, нельзя уже найти почти ни одного человѣка, сколько нибудь знакомаго съ настоящимъ состояніемъ наукъ, который съ жаромъ и убѣжденіемъ захотѣлъ бы еще защищать основанія эмпиризма въ томъ видѣ и съ такою исключительностію, какъ нѣкогда онъ былъ развитъ Локкомъ и его послѣдователями въ XVIII столѣтіи, во Франціи. Но и теперь, не отвергая психической возможности умозрѣнія, по большей части, даютъ рѣшительное предъ нимъ предпочтеніе наглядному, эмпирическому познанію; и теперь, и преимущественно теперь, сдѣлалась едва не общимъ мнѣніемъ та мысль, что только *опытъ даетъ намъ отчетливое и полное знаніе*, а *умозрѣніе не ведетъ насъ ни къ чему положительному и опредѣленному*; что только массѣ *эмпирическихъ и историческихъ свѣдѣній принадлежитъ основательность и вѣрность*, а всякій *взглядъ на предметы*, направляемый *по высшимъ началамъ*, есть *поверхностное и произвольное умничанье*, которое можно терпѣть, какъ безвредную игру празднаго духа, но которое не можетъ имѣть никакого существеннаго вліянія на образованіе науки. Съ этой-то точки зрѣнія, односторонним эмпирикамъ и историкамъ философія является чѣмъ-то слишкомъ бѣднымъ и ненадежнымъ. Отсюда-то происходятъ жалобы на сухія *отвлеченности*, и пустой *формализмъ философіи*; отсюдажъ и то желаніе многихъ, чтобъ философія обращалась не къ утонченностямъ разсудка, а къ простому, *общему смыслу* человѣчества, прямо и ясно постигающему истину; желаніе, — чтобъ философія почерпала свои свѣдѣнія не изъ безжизненныхъ взглядовъ умозрѣнія, а изъ *силы чувства*, какъ живаго и непосредственнаго источника всякаго вѣдѣнія.

Это понятіе о годности опыта и зыбкости умозрѣнія, а съ тѣмъ вмѣстѣ о ничтожествѣ философическаго взгляда на предметы, весьма натурально можетъ возникать въ духѣ человѣка оттого, что сторона чувствъ нашихъ гораздо больше развита въ насъ, чѣмъ высшая сторона духа. Чувства наши представляютъ собою высочайшее развитіе земной природы, и сильно и непосредственно поражаются явленіями и качествами міра внѣшняго, потому уже самому, что они для нихъ родныя. Между тѣмъ духъ нашъ есть только младенецъ въ мірѣ духовномъ; онъ стоитъ еще на первой, самой низшей ступени самосознанія въ неизмѣримой лѣстницѣ существъ разумныхъ. Удивительно ли послѣ этого, что сфера опыта, въ которой живемъ мы всѣми нашими чувствами, кажется намъ такъ ясною и опредѣлительною, а область собственно духу принадлежащая, область его высшаго разумѣнія, кажется такъ туманною и неопредѣленною? — Но не смотря на все это, понятіе объ исключительной цѣнности опыта, при всей многочисленности голосовъ въ его пользу, есть взглядъ односторонній и ограниченный. — Основаніе умозрѣнія положено во внутреннѣйшемъ существѣ нашего

духа, также точно, какъ и основаніе эмпиріи. Духъ человѣческій не безусловно дѣятеленъ въ своемъ мышленіи и познаваніи; онъ связанъ отношеніями чувственными, требуетъ возбужденія извнѣ; но съ другой стороны, онъ не есть способность только страдательная, только воспріемлющая и чувствующая; въ немъ самомъ первоначально положены чистыя формы и законы, по которымъ единственно онъ можетъ и долженъ дѣйствовать и при которыхъ онъ дѣйствуетъ самостоятельно, потому что направляетъ свою дѣятельность по законамъ и формамъ, только ему одному существенно принадлежащимъ. Внѣшнее возбужденіе нашихъ чувствъ при наглядномъ усмотрѣніи вноситъ въ нашу душу предметность, которую мы воспринимаемъ въ нашемъ познаніи, какъ представленія о вещахъ, и слѣд. изъ нагляднаго усмотрѣнія дается намъ всякое содержаніе, всякая дѣйствительность, всѣ были нашего познанія. Но съ другой стороны, вѣчные законы разумѣнія, законы единства и необходимости, какъ формы, въ которыя должно быть отлито чувственно-воспринятое содержаніе нашего познанія, какъ условія, при которыхъ вообще возможно для насъ познаніе дѣйствительнаго, — эти законы хранятся только въ нашемъ духѣ. И такъ въ нашей чувствуемости и воспріемлемости дается только содержаніе, а изъ глубины духа нашего почерпается форма; въ опытѣ — дѣйствительность, въ умозрѣніи—необходимость; тамъ были, здѣсь законы; тамъ разнообразіе, здѣсь единство. — Вотъ причина, по крайней мѣрѣ, совершенно *равной цѣнности опыта и умозрѣнія*, и вмѣстѣ ихъ недостаточности въ ихъ разлученіи; здѣсь же сокрыта причина вѣчной борьбы между безформенною наглядностію и безсодержательною идеальностію, и вмѣстѣ — основаніе потребности ихъ единства!

И точно, опытъ и умозрѣніе, какъ содержаніе и форма, равно необходимы для полноты и отчетливости нашего вѣдѣнія. Опытъ безъ умозрѣнія есть только мертвая, безпорядочная громада однѣхъ особенностей и былей, равно какъ умозрѣніе безъ опыта есть не болѣе, какъ пустая форма единства и законъ необходимости безъ разнообразнаго содержанія и дѣйствительности. Самое полное, докончанное познаніе состоялось бы тогда, когда по всѣмъ отношеніямъ опредѣлились бы содержаніе формою, дѣйствительность — необходимостію, были — закономъ, разнообразіе — единствомъ. Правда, это единство формы и содержанія для насъ остается только желаннымъ, но недостижимымъ идеаломъ, потому что неисчетное богатство познаваемаго содержанія никогда не можетъ быть исчерпано опытомъ, а оттого и первоначальная форма разумѣнія не можетъ быть наполнена всецѣло, и закону необходимости, въ насъ положенному, не можетъ вполнѣ соотвѣтствовать дѣйствительность. По крайней мѣрѣ, чѣмъ многосторонѣе и богаче будетъ опытъ, тѣмъ вѣрнѣе и выше можетъ возноситься въ своихъ отвлеченностяхъ мыслящій разсудокъ и тѣмъ больше можетъ приближаться къ высочайшему единству разума. И наоборотъ, чѣмъ больше удалось умозрѣнію сознать высочайшій законъ единства, чѣмъ обширнѣе его начала и общѣе

законы, тѣмъ полнѣе будетъ взглядъ его на разнообразіе опыта, тѣмъ яснѣе и глубже проникнетъ онъ во внутреннюю связь его былей. А при такомъ отношеніи между идеальностію и опытностію, если шатки и неудачны должны быть попытки умозрѣнія, — когда оно пренебрегая опытомъ, заключается въ собственной, чисто-идеальной сферѣ, и вмѣсто того, чтобъ прилагать только свои законы и формы къ данному (изъ опыта) содержанію, само покушается творить были и построевать содержаніе: то съ другой стороны — вовсе неосновательны и во всѣхъ отношеніяхъ несправедливы притязанія эмпиріи, когда она, признавая умозрѣніе неведущимъ ни къ чему, думаетъ, что въ самой себѣ можетъ найти отчетливость и полноту знанія, и потому или совершенно отвергаетъ годность законовъ и формъ разума, или надѣется произвесть ихъ изъ опыта.

Вмѣстѣ съ этимъ, сама собою открывается *односторонность* такъ усилившагося теперь *мнѣнія, — будто основательность и вѣрность науки принадлежитъ только массѣ опытныхъ и историческихъ свѣдѣній,* — этому набору отдѣльныхъ фактовъ; *а философія* съ ея высшими началами и взглядами есть только *пустое умничанье,* ничтожная отвлеченность, неимѣющая никакого истиннаго вліянія на образованіе науки. Основательность науки не заключается въ простомъ накопленіи фактовъ, а состоитъ въ единствѣ и органической связи нашихъ познаній; но этой связи, этого единства ничуть не даетъ намъ опытъ; все это можетъ быть почерпаемо только изъ умозрѣнія, изъ философіи. Относительная вѣрность науки зависитъ отъ степени уразумѣнія въ ней истины, дѣйствительности. Но уже въ первоначальныхъ и дробныхъ актахъ наблюденія и опыта открывается недостаточность эмпиріи и болѣе или менѣе явное участіе въ нихъ разума. Такъ въ самыя обыкновенныя понятія, въ понятіе наприм. о растеніи уже привносятся понятія предъопытныя, — математическія формы пространства и времени и метафизическія понятія о сущности, основобытіи (субстанціи), причинности и взаимодѣйствіи. — Тѣмъ менѣе можетъ эмпирія, сама по себѣ, въ цѣломъ и огромномъ удовлетворить истиннымъ требованіямъ науки и простымъ только наблюденіемъ дознать истину и дѣйствительность бытія. Истина и дѣйствительность природы — уже ли это есть несвязная масса отдѣльныхъ вещей, которая дается намъ простымъ усмотрѣніемъ и наблюденіемъ, а не внутреннее, органическое сведеніе особей въ одно великое цѣлое, и слѣд. не то, что дознается нами собственно изъ философіи, изъ всеобщихъ формъ и законовъ единства? Равнымъ образомъ, истина и дѣйствительность исторіи — уже ли заключается единственно въ хронологической послѣдовательности событій и сказаній; напротивъ, не во внутренней ли прагматической связи частностей, не въ живоносныхъ ли идеяхъ, движущихъ событіями исторіи, состоитъ эта истина, и притомъ та глубокая истина, которой не можетъ открыть намъ ни опытъ, ни историческая многоученость, а только одно философствующее размышленіе? Еслижъ самая эмпирія обнимаетъ частные предметы въ ихъ цѣлости и единствѣ,

и потому пользуется всеобщими законами разума, хотя безъ отчетливаго о томъ сознанія и безъ методическаго пріема, то какъ обвинять намъ въ ничтожествѣ отвлеченностей и пустотѣ умствованій философію, когда она для того, чтобъ чище сознать всеобщія понятія и законы единства и потомъ съ отчетливѣйшимъ сознаніемъ и надежнѣйшимъ методомъ вновь приложить ихъ къ частностямъ, предварительно отвлекаетъ эти понятія и законы отъ ихъ разнообразнаго содержанія? Не должна ли, напротивъ того, эмпирія почерпать въ этихъ отвлеченностяхъ и основательность своей наглядности и вѣрность высшей дѣйствительности и истины?

Конечно, нападенія *на пустой формализмъ* философіи и *ничтожность ея отвлеченностей* иногда бываютъ и справедливы, потому что отвлеченное мышленіе, какъ свидѣтельствуетъ опытъ, нерѣдко отторгалось отъ своего содержанія, какъ эмпирическаго, такъ и идеальнаго, и покушаясь само собою творить истину изъ своихъ всеобщихъ понятій, терялось въ фантастическихъ, воздушныхъ построеніяхъ. Но нападенія, въ этомъ случаѣ, на отвлеченности философическія должны касаться не самаго существа ихъ, а только ихъ злоупотребленія въ философіи; по существу своему, онѣ не суть уродливые плоды напряженнаго мышленія; сами по себѣ, въ своемъ истинномъ видѣ, онѣ имѣютъ высокое достоинство. Мы довѣряемъ собственно этимъ только отвлеченностямъ, которыя такъ осуждаемъ; мы вѣримъ только имъ, ихъ только понимаемъ, въ нихъ и посредствомъ ихъ разумѣемъ все прочее. И это очень ясно. Наши слова суть выраженія нашихъ понятій, а всѣ наши понятія суть отвлеченности: и слѣд. все наше мышленіе и наша рѣчь есть отвлеченность. Безъ отвлеченностей мы не можемъ сдѣлать ни одного шагу въ познаніи, самомъ по видимому простомъ и обыкновенномъ; такъ напр. безъ отвлеченностей мы не можемъ имѣть познанія о числѣ. Въ природѣ нѣтъ числа; здѣсь только одинъ, одинъ, одинъ, а совокупленіе въ числа, это отвлеченность. Скажутъ, что отвлеченныя представленія всеобщаго сами не имѣютъ никакой дѣйствительности, что всеобщія понятія о родѣ, качествахъ, отношеніяхъ сами по себѣ пусты, потому что это суть только формы, въ которыхъ мыслимъ о бытіи дѣйствительномъ, которое принадлежитъ только частностямъ. Но и въ этомъ случаѣ нельзя назвать отвлеченностей *пустою формальностію*, сухимъ, безжизненнымъ остовомъ мышленія; и въ этомъ случаѣ не теряютъ онѣ значенія въ познаніи дѣйствительности, потому что онѣ не суть произвольныя порожденія мыслящаго разсудка; онѣ извлекаются изъ частнаго, дѣйствительнаго бытія, а потому и указываютъ всегда на дѣйствительное бытіе, изъ котораго почерпнуты духомъ.

Еслижъ философическое умозрѣніе съ его отвлеченностями не есть пустая, изысканно-напряженная игра мыслей, если въ самыхъ отвлеченностяхъ есть жизнь, есть дѣйствительность: то излишни заботы тѣхъ, которые, желая изба-

вить философію отъ отвлеченностей, какъ будто недуга ее удручающаго, отсылаютъ ее къ *здравому человѣческому смыслу* и къ *силѣ живаго, непосредственнаго чувства*. Конечно, философія, по возможности, должна жить въ мирѣ и согласіи съ такъ называемымъ здравымъ человѣческимъ смысломъ и непосредственнымъ чувствомъ. — Есть, несоспоримо есть въ человѣческомъ духѣ голосъ, который прямо и безъискуственно возвѣщаетъ намъ объ истинномъ, правомъ и прекрасномъ и который слышится то изъ чувства, то изъ общаго смысла. Таковъ практическій тактъ, эстетическій вкусъ, таково религіозное чувство. И философія не права, если равнодушно отвращается отъ внушеній этого голоса, или легкомысленно противорѣчитъ ему тогда, какъ его внушенія вѣрнѣе привелибъ ее къ истинѣ, чѣмъ самое высокое искуство умозрѣнія. Она виновна, когда до того удаляетъ область свою отъ области общаго человѣческаго смысла, что поставляетъ славу свою въ явномъ противорѣчіи представленіямъ его, какъ это мы видимъ въ философіи Гегеля, который выражается объ этомъ такъ: „философія „только чрезъ то становится философіею, что *она прямо противоположна* разсудку, „а еще болѣе—такъ называемому *здравому человѣческому смыслу*, подъ которымъ „разумѣется временная и мѣстная ограниченность человѣческаго рода; въ отноше„ніи къ этому смыслу, міръ философіи, *въ себѣ и для себя*, есть міръ на из„нанку.“ (Krit. Journal. d. Phil. B. 1, St. 1, S. XVII). При таковомъ отторженіи философіи отъ здраваго человѣческаго смысла и рѣшительномъ противопостановленіи ему своихъ понятій, она легко можетъ запутаться въ неестественныхъ хитросплетеніяхъ мышленія, въ напряженной, изысканной діалектикѣ: и однакожъ, при всемъ этомъ, такъ называемый здравый смыслъ человѣческій не можетъ быть ни источникомъ, ни показателемъ философическихъ истинъ. То, что въ обыкновенной жизни называютъ естественнымъ и особенно здравымъ смысломъ, часто вовсе бываетъ чуждо естественности и здравомыслія. По большей части, это есть не иное что, какъ общее мнѣніе, случайно образовавшееся въ теченіи разновременныхъ обстоятельствъ, есть пестрая смѣсь устарѣвшихъ понятій, предразсудковъ, любимыхъ взглядовъ, безъ внутренняго единства. Ктожъ захотѣлъ бы искать истины въ этомъ безвидномъ и безсодержательномъ сплетеніи случайныхъ обстоятельствъ, въ этомъ хаосѣ безпорядочныхъ, мимолетныхъ мнѣній, а не въ стройномъ мышленіи философическомъ? Кто захотѣлъ бы право суда и приговора въ дѣлѣ философствованія уступить этому нестройному сліянію голосовъ различныхъ мѣстъ и временъ? Развѣ предаться прихотливому теченію мнѣній безсознательной толпы значитъ лучше и вѣрнѣе стремиться къ цѣли, къ познанію истины, чѣмъ при самостоятельномъ, всеиспытующемъ философствованіи? Истинно-здравый человѣческій смыслъ есть часто совсѣмъ не то, что въ обыкновенной жизни привыкли называть этимъ именемъ. Это не есть поверхностно-образованное размышленіе, избѣгающее глубины идеальнаго взгляда на міръ и обращенное къ общимъ мѣстамъ сужденій; это не есть мелкость и безъидейность мышленія, такъ часто пользующаяся почтеннымъ титломъ ясности и натураль-

ности; здравый смыслъ только тотъ, который самостоятельно развивается и движется по законамъ своей собственной природы и слѣд. по законамъ философіи, очищаемымъ наукою отъ мнѣній прихотливой моды, отъ господствующихъ предразсудковъ и застарѣвшаго суевѣрія.

Болѣе участія въ философствованіи можнобы предоставить *живому чувству*; оно важно и драгоцѣнно для человѣка: это есть благодатный вѣстникъ того, до чего еще не дошли мы нашимъ познаніемъ, и вмѣстѣ хранитель того, что такъ легко мы можемъ потерять въ самомъ познаваніи. Важныя и священныя для рода человѣческаго истины, каковы: бытіе Бога, безсмертіе души, нравственныя предписанія,— эти истины возвѣщаются намъ въ живомъ чувствѣ гораздо прежде, чѣмъ успѣемъ познать ихъ разсудкомъ и убѣдиться въ нихъ логически. Простой, необразованный человѣкъ, только съ чувствомъ уже раскрытымъ, не нуждается въ доказательствахъ бытія Божія, безсмертія души, нравственныхъ требованій; все это онъ слышитъ въ собственномъ духѣ, въ святилищѣ чувства, и слышитъ такъ внятно, что никакія ухищренія софизмовъ не могутъ поколебать его твердой увѣренности. — Есть эпоха въ человѣческой жизни, критическая эпоха, когда развивается нашъ діалектическій разсудокъ, и развивается односторонно, такъ что беретъ рѣшительный перевѣсъ надъ всѣми силами духа. Тогда возбуждается въ насъ тяжкая тревога духа, ложатся на душу, какъ мрачныя тѣни, сомнѣнія обо всемъ. Тогда вопрошаетъ человѣкъ и о томъ, — есть ли Богъ, точно ли душа наша безсмертна и что такое требованія нравственныя? Въ эти-то бѣдственныя минуты тревожнаго скептицизма, когда все вокругъ насъ, надъ нами и въ насъ самихъ колеблется и готово обрушиться, — въ эти-то минуты одно чувство истины остается вѣрнымъ хранителемъ ея. Оно оскорбляется этимъ оскорбленіемъ истины, и съ презрѣніемъ отвергаетъ эти обидные вопросы холоднологическаго разсудка. Но не смотря на эти безцѣнныя услуги живаго чувства живой истинѣ, не смотря на то, что философія никогда не можетъ итти безнаказанно вопреки ясному и непререкаемому чувству, — не смотря на все это, и оно не можетъ быть ни судьею, ни органомъ философствованія. Только рѣдко оно бываетъ чистымъ и здоровымъ чувствомъ, въ которомъ вѣрно отсвѣчивается обликъ истины, особенно въ чертахъ ея подробныхъ; и эта глубина нашего духа, наше чувство, нерѣдко возмущается движеніемъ страстей. И не только болѣзненное, но и здоровое чувство, какъ чувство, не можетъ быть органомъ философіи. Правда, содержаніе ея, тускло отражающееся изъ выспренихъ идей разума въ сознаніе, первоначально воспріемлется здѣсь не мышленіемъ, не отчетливымъ сосвѣдѣніемъ, а единственно чувствомъ. И каждый человѣкъ, образованный и необразованный, не только воспринимаетъ въ чувствѣ возможное содержаніе философіи, но и пользуется имъ по чувству. Такъ каждый человѣкъ съ здравымъ смысломъ, мыслитъ по законамъ логики, еще не сознавая ихъ; каждый человѣкъ обсуживаетъ явленія природы по всеобщимъ

законамъ ея, каждый чувствуетъ и дѣйствуетъ по непремѣннымъ законамъ долга, еще не приведши этихъ законовъ къ уразумѣнію. Такимъ образомъ и все доступное познанію философическому уже непосредственно присуще человѣку въ его чувствѣ: но все это содержаніе, пока возвѣщается въ одномъ чувствѣ, какъ первоначальномъ органѣ неразвитаго сознанія, положено въ такой глубинѣ духа, гдѣ является оно еще безвиднымъ и неопредѣленнымъ; въ чувствѣ все дается намъ первоначально, но дается въ смѣшенномъ, темномъ, безразличномъ синтезѣ. Между тѣмъ совершенно иное дѣло — только чувствовать что-либо, и понимать это; совершенно иное дѣло — имѣть только познаніе о чемъ-либо, и сознавать это самое познаніе съ отчетливостію; а познаніе философическое, потому и становится философическимъ, что оно ничего не полагаетъ непосредственно, а все хочетъ знать съ отчетливымъ знаніемъ.

Еслижъ есть въ нашемъ чувствѣ начатки возможнаго разумнаго вѣдѣнія, еще темные, завитые, то должна быть въ насъ и *особенная способность* развивать, раскрывать эти начатки. Чтожъ это за способность, и какъ она разъяснить то, что всѣмъ и каждому возвѣщается чувствомъ? Она пробуждается въ насъ тогда, когда сознаніе, выступая изъ неопредѣленнаго, смѣшеннаго чувства, обращаетъ взоръ свой и къ самому себѣ, — когда сознаніе, единичное само по себѣ, какъ бы раздвояется, становится вопрошающимъ и вопрошаемымъ, живымъ зеркаломъ истины и дѣятельною силою глядящеюся въ него. Это обращеніе сознанія къ себѣ самому, это свободное самоовладѣніе его есть внутреннѣйшее самовниканіе, есть въ собственномъ смыслѣ философическое размышленіе (рефлексъ), какъ особенное дѣйствіе *разсудка,* который, по этому самому, есть надлежащій *органъ философическаго познанія.* Философическое размышленіе разсудка, какъ чистое мышленіе, какъ произвольно воспроизводящееся движеніе его, не даетъ въ философствованіи никакого содержанія, а только овладѣваетъ тѣмъ содержаніемъ, которое изъ области разума первоначально отражается въ акты сознанія, но сначала воспринимается темнымъ, безотчетнымъ чувствомъ. Самовникающій разсудокъ есть какъ бы внутреннее око нашего духа, созерцающее отраженіе высшихъ идей въ простомъ сознаніи, — есть внутренній, духовный химикъ, анализирующій то, что возвѣщается намъ чувствомъ въ его темномъ, смѣшенномъ синтезѣ. Какъ химикъ разлагаетъ данную массу на составныя части ея, и чрезъ это разложеніе достигаетъ напослѣдокъ до простѣйшихъ элементовъ тѣлъ: такъ самовникающій разсудокъ дробитъ на части наши смѣшенныя представленія, и путемъ анализа поступая все далѣе и далѣе отъ единаго ко многому, отъ сложнаго къ простому, достигаетъ наконецъ до простѣйшихъ, основныхъ элементовъ познанія; а какъ только однажды овладѣли мы этими простѣйшими элементами, то наше мышленіе отъ приемовъ разложенія переходитъ тотчасъ къ дѣйствію возсозиданія, вновь строитъ составное изъ простаго и чрезъ то ограничиваетъ разложеніе построеніемъ, анализъ — синтезомъ. Такимъ

образомъ, наше философствующее размышленіе, дѣйствіемъ построенія, приводитъ насъ къ тѣмъ же предметамъ познанія, отъ которыхъ мы выступили въ немъ, но только эти предметы примыкаютъ тогда къ цѣлой системѣ нашихъ познаній, и являются намъ въ синтезѣ новомъ, окруженномъ высшимъ свѣтомъ вѣдѣнія, свѣтомъ отчетливаго, сознательнаго вѣдѣнія. Тогда-то усматриваемъ мы то, чего прежде и не подозрѣвали въ себѣ, — узнаемъ, что прежде только чувствовали, воспринимаемъ мыслію свободно, что прежде представлялось намъ невольно, сознаемъ ясно, что представлялось намъ темно, познаемъ вдвойнѣ, познаемъ философически, что знали прежде просто, фактически.

Но и разсудокъ, какъ органъ философствованія, по видимому, не соотвѣтствуетъ своему назначенію. Самодѣятельный разумъ, какъ источникъ философическаго вѣдѣнія, со стороны его *содержанія*, всегда и вездѣ единиченъ, самъ съ собою согласенъ и неизмѣнчивъ по существу своему. Во внутреннемъ святилищѣ его мирно и незыблемо покоится выспренняя идея истиннаго, какъ неисчерпаемая полнота вѣдѣнія, какое только доступно для человѣчества. Не то бываетъ въ разсудкѣ, какъ источникѣ философскаго познанія, со стороны его *формы*. Это есть дѣятельность духа въ высшей степени *произвольная*. Подвергая своему изслѣдованію идеи разума, его чистые законы и формы бытія, но не могши обнять полноты ихъ своимъ тѣснымъ, ограниченнымъ взглядомъ, разсудокъ раздробляетъ ихъ на части и по произволу видоизмѣняетъ и преобразуетъ ихъ: однѣ оставляетъ безъ вниманія, другія развиваетъ; то соединяетъ ихъ, то разлучаетъ; то разлагаетъ ихъ, то приводитъ къ цѣлости; восходитъ отъ простаго къ сложному, нисходитъ отъ единаго къ разнообразному; отвлекаетъ отъ частнаго, сравниваетъ общее. А при этомъ *способъ* (рефлективнаго) *воззрѣнія* на содержаніе философіи, — какой плодъ философствованія представляется намъ въ ея исторіи? Пестрая смѣсь разнообразныхъ понятій и ученій, вѣчное столкновеніе и борьба философическихъ школъ, быстрое чередованіе и прохожденіе философическихъ системъ! Печально это зрѣлище, представляемое намъ философствующимъ мышленіемъ въ исторіи философіи, и вмѣстѣ это есть самое сильное побужденіе противникамъ философіи къ ея осужденію. Каждая наука должна быть единична, сама съ собою согласна, тверда и постоянна: а между тѣмъ философія, — говорятъ намъ ея противники, — ни на одинъ шагъ не приблизилась къ этой цѣли. И нынѣ, какъ издавна, въ области философіи господствуетъ самое необыкновенное разнообразіе взглядовъ и понятій; и донынѣ спорятъ въ ней, какъ спорили издавна, не только о неважныхъ и несущественныхъ сторонахъ вѣдѣнія, но и о высочайшихъ началахъ человѣческаго познанія; и нынѣ философическія системы то являются, то исчезаютъ, какъ это было издревле. И теперь, съ дальнѣйшимъ поступленіемъ философическаго умозрѣнія, *различіе взглядовъ* сдѣлалось даже разнообразнѣе и пестрѣе, *противорѣчіе мнѣній* еще глубже и рѣзче, *упадокъ и прехожденіе системъ* еще чаще и быстрѣе.

При этихъ обвиненіяхъ философствующей мысли, а потому и самой философіи, — что остается дѣлать намъ? Опровергать эти обвиненія, сдѣлавшіяся теперь едва необщимъ мнѣніемъ? Но въ подтвержденіе ихъ представляются тысящелѣтніе факты. Отказаться вовсе отъ философствованія, какъ попытки духа, слишкомъ неудачной? Но это значило бы заключиться въ тѣсной кругъ безотчетнаго чувства, и навсегда подавить въ себѣ такъ естественное намъ стремленіе къ высшему, сознательному вѣдѣнію. Отвергнуть въ философіи такъ называемое рефлективное мышленіе,—самовниканіе, какъ орудіе рѣшительно для нея непригодное? Но это значитъ отвергнуть самую философію, которая безъ него не можетъ и существовать. По крайней мѣрѣ, — осуждать этотъ способъ мышленія, какъ самую слабую и ненадежную сторону нашего познаванія? Но это значило бы уже отказаться отъ самовникающей мысли, которая въ самой себѣ находитъ оправданіе своихъ дѣйствій, такъ важныхъ для нашего любознательнаго духа, при всемъ томъ, что съ перваго взгляда они могутъ показаться ничтожными и жалкими.

Содержаніе философіи, первоначально сообщаемое намъ въ синтезѣ темномъ, необъятно въ своемъ разливѣ и богато началами, самыми разнообразными. Чтобъ развить и уяснить его, хотя сколько нибудь, надобно не только раздробить его на части, но и преслѣдовать каждую изъ нихъ порознь до самыхъ дробныхъ ея отношеній; слѣд. по самой многочисленности и разнородности началъ, сюда входящихъ, философическое размышленіе можетъ и должно смотрѣть преимущественно или на одно, или на другое изъ нихъ; слѣд. измѣнять свою точку зрѣнія на нихъ; слѣд. соединять и развивать ихъ въ различныхъ направленіяхъ и формахъ, а вмѣстѣ съ этимъ — и самой философіи давать различныя направленія, выражать ее въ различныхъ формахъ, представлять ее подъ различными наименованіями, потому что каждый особенный образъ воззрѣнія на то, или другое начало философическаго содержанія, развиваемое до послѣднихъ его предѣловъ, и приведенное въ науку, даетъ особенную систему, образуетъ отдѣльную, самостоятельную школу философскую. И такъ, то дивное *разнообразіе философіи,* какое представляется намъ въ ея исторіи, не только *не должно служить къ ея осужденію* и укоризнѣ, а напротивъ того, — еще должно говорить намъ въ ея пользу. И природа вещественная роскошно разливается, какъбы въ богатствѣ изображенія, въ безчисленныхъ формахъ и явленіяхъ, и только этимъ выражаетъ необъятную, неоскудѣвающую идею своей внутренней жизни. Такъ и философическое размышленіе, испытывая всѣ возможныя точки воззрѣнія на предметъ свой, и проявляясь во всевозможныхъ формахъ науки, только этимъ, мало по малу, выражаетъ внутреннее, неисчерпаемое богатство философіи, и слѣд. чѣмъ многочисленнѣе взгляды философствующаго ума, чѣмъ разнообразнѣе философическія системы, тѣмъ разностороннѣе объемлется самая идея философіи, тѣмъ полнѣе и глубже обозначается ея недовѣдомое существо.

Самая даже *противоположность и борьба* философическихъ системъ имѣетъ глубокое основаніе въ человѣческомъ духѣ и высокое значеніе въ ходѣ его развитія. Въ силѣ чувства, непосредственно открывающей намъ существенныя истины, нѣтъ между ими ни противоположностей, ни борьбы; у людей съ щастливѣйшею настроенностію природы, чувство это можетъ открываться явственнѣе и сильнѣе; но, кромѣ большей, или меньшей степени энергіи, оно однимъ и тѣмъ же способомъ раскрывается у всѣхъ мыслящихъ существъ, такъ что его тождество у всѣхъ людей составляетъ тождество человѣческаго рода. Оттого существенныя истины въ своей первоначальной формѣ, формѣ чувства, повсюду однѣ и тѣже. Это, можно сказать, золотой вѣкъ мысли. Но какъ только эти истины воспринимаются отчетливымъ сознаніемъ, то между ими непремѣнно открывается противоположность и борьба, — потому что противоположность и борьба составляютъ существо самаго сознанія нашего. Въ нашемъ сознаніи, при его развитіи, представляется намъ познающій духъ нашъ и міръ познаваемый: но первое существенное отношеніе между ими есть отношеніе именно борьбы и противоположности. Тогда какъ внѣшній міръ вноситъ въ душу свои впечатлѣнія, впечатлѣнія наприм. звуковъ, свѣта, холода, онъ ограничиваетъ ими дѣятельность нашего духа, полагаетъ ему предѣлъ, какъ нѣчто чуждое ему; и наоборотъ духъ, овладѣвъ этими впечатлѣніями, преобразуетъ ихъ, опредѣляетъ ихъ, измѣняетъ въ представленія, понятія и т. д. Оттого наше сознаніе есть зрѣлище вѣчной борьбы между духомъ познающимъ и міромъ познаваемымъ, такъ точно, какъ наша физическая жизнь есть не иное что, какъ борьба внутренняго начала жизни съ силами внѣшними, съ стихіями разрушительными. Духъ познающій борется съ міромъ познаваемымъ, какъ начало свободное съ началомъ несвободнымъ, какъ начало дѣйствующее съ началомъ подлежащимъ дѣйствію. И эта борьба доходитъ до рѣшительной противоположности, до взаимнаго исключенія другъ другомъ, потому что тамъ, гдѣ есть духъ познающій, нѣтъ уже міра познаваемаго, и гдѣ этотъ міръ, тамъ именно нѣтъ познающаго духа; они совмѣстно быть не могутъ. Это какъ бы два противоположные полюса, или лучше сказать, — центръ и окружность: духъ познающій — центръ, а предметы познаваемые — окружность; центръ и окружность, раздѣлившіеся изъ точки безразличія и дѣйствующіе взаимно другъ на друга. И однакожъ, при этой видимой враждѣ и исключительности, они необходимы другъ для друга, потому что каждое изъ нихъ поддерживается и развивается только другимъ. Отнимите отъ безпредѣльной природы, отъ этого необъятнаго не-я всякое сознающее я, тогда вся природа будетъ безпредѣльною окружностію безъ центра; отнимите всякое не-я отъ сознающаго я, тогда погрузится оно въ самаго себя, въ невещественную точку безразличія и покоя. Такъ существенно необходимы въ сознаніи нашемъ противоположность и борьба между нашимъ духомъ и внѣшнимъ міромъ! — Но поприще этой борьбы есть именно то самое поприще, на которомъ суждено дѣйствовать философствующей мысли. Оттого, первоначальная противоположность и

борьба сознанія, по непреложному свойству нашего духа, должна выражаться и выражается и во всемъ развитіи философіи, какъ непреложный законъ самаго ея развитія. Обращаетъ ли философствующая мысль вниманіе свое непосредственно на самую противоположность первыхъ актовъ сознанія и развиваетъ ее въ науку? Тогда воздвигаетъ она первую философическую систему, систему дуализма, которая все сущее раздробляетъ на двѣ великія, рѣзко противоположныя другъ другу части: духъ и вещество, разумное и неразумное, жизнь и смерть, добро и зло, и по этому сама въ себѣ носитъ сѣмена вражды и раздора. Останавливается ли наше вниканіе на которой нибудь одной изъ сторонъ нашего сознанія, развиваетъ исключительно явленія нашего духа, или внѣшняго міра? Въ первомъ случаѣ оно даетъ намъ систему раціонализма и идеализма; а въ послѣднемъ — систему сенсуализма, или эмпиризма; но въ томъ и другомъ случаѣ оно разрушаетъ уже первое созданіе свое — дуализмъ, потому что допускаетъ бытіе одного только начала, во всемъ видитъ или одинъ только духъ, или одно только вещество; и не только врагами дуализма являются идеализмъ и эмпиризмъ; они ратуютъ и другъ противъ друга, потому что это суть противоположности непримиримыя. Всматривается ли философствующая мысль ближе въ борьбу идеализма и эмпиризма и открываетъ обоюдныя ихъ слабости? Тогда воздвигаетъ она грозный скептицизмъ, который равно поражаетъ основанія какъ раціонализма, такъ и сенсуализма, и не только основанія этихъ противоположныхъ системъ, но и достовѣрность всякаго познанія человѣческаго. Остается ли скептицизмъ одинъ, какъ духъ разрушитель, на печально-опустошенномъ поприщѣ сознанія? Тогда философствующая мысль ищетъ убѣжища у того самаго чувства, которому первоначально повѣрены всѣ существенныя истины, и переводя чувство въ понятія, образуетъ философскій мистицизмъ, который, возвышаясь къ первоначалу всякаго бытія и первоосновѣ нашего сознанія—къ Богу, съ высоты начала всѣхъ началъ поражаетъ скептицизмъ и всякій догматизмъ. Заключается ли наша мысль въ таинственной области квіетизма, неразлучнаго съ мистицизмомъ? Тогда вниканіе снова обращаетъ взоръ свой на поприще борьбы между познающимъ духомъ и міромъ познаваемымъ и снова начинаетъ тотъ же процессъ разрушенія и истребленія, только съ большимъ упорствомъ, съ большею отчетливостію, въ большемъ объемѣ. —

И всѣ эти рѣзкія, несогласимыя противоположности взглядовъ такъ необходимы другъ для друга; эта жестокая и упорная борьба философическихъ ученій такъ нужна и благодѣтельна для полноты развитія нашего разумѣнія! Устранить изъ сцены сознанія хотя одну изъ непримиримыхъ противоположностей философствующей мысли значитъ нарушить великій законъ равновѣсія въ поступательномъ ея движеніи и тѣмъ разрушить всю философію. Устраните изъ сцены сознанія дуализмъ, — тогда философствующая мысль не замѣтитъ той разительной противоположности, какая выражается повсюду, и

въ актахъ нашего сознанія, въ борьбѣ духа и міра, и во всѣхъ явленіяхъ неизмѣримаго созданія, — какъ свобода и необходимость, безсмертіе и смертность, необъятность и ограниченность, величіе и ничтожество. Устраните реализмъ и идеализмъ, какъ стремленіе къ исключительному единству начала: тогда разсудокъ, всматриваясь въ двусторонній и враждебный самому себѣ міръ явленій, потеряетъ изъ виду тотъ законъ единства и гармоніи (нашего разума), которымъ примиряются всѣ видимыя противоположности такъ, что производятъ одну разнообразную, но стройную игру жизни. Захотимъ ли отвергнуть сенсуализмъ? Мы уничтожимъ систему, которая возбуждаетъ и питаетъ вкусъ къ наблюденіямъ надъ природою, какъ дѣйствительностію самою очевидною; къ томужъ, — что еще важнѣе, — отнимемъ у идеализма его, такъ сказать, изнанку, которою однакожъ много поясняется онъ самъ,—отнимемъ спасительное противодѣйствіе, которымъ удерживается онъ на покатомъ и скользкомъ пути своихъ предположеній и гаданій. Устранимъ ли идеализмъ? Въ такомъ случаѣ много потерпитъ изученіе и частнѣйшее уразумѣніе человѣческой мысли и ея законовъ, до которыхъ никакъ нельзя дойти путемъ сенсуализма. И напротивъ, сенсуализмъ, оставленный самому себѣ, безъ противодѣйствія идеализма, умѣряющаго его направленіе, самъ потеряется въ результатахъ, самыхъ ничтожныхъ, — въ матеріализмѣ, фатализмѣ и атеизмѣ. Не станемъ отвергать и скептицизма, какъ необходимое противоборство притязаніямъ догматизма. Если мы захотимъ философствовать и построевать системы, то крайне нужно помнить, что мы трудимся предъ глазами недовѣрчиваго скептицизма, который потребуетъ у насъ отчета въ основаніяхъ, послѣдовательности и успѣхахъ нашего труда, и однимъ дуновеніемъ ниспровергнетъ все наше умственное построеніе, какъ скоро оно не опирается на дѣйствительности, на точномъ и строгомъ методѣ. Но и скептицизмъ требуетъ сильнаго противоборства. Своею неумолимою діалектикою онъ низвергаетъ въ прахъ и ощущеніе и идеи и доходитъ до индифферентизма, до насмѣшки надъ всѣмъ человѣческимъ познаніемъ. Нужно тогда явиться мистицизму для возстановленія священныхъ правъ вдохновенія, энтузіазма, вѣры и первоначальныхъ истинъ, которыхъ не даютъ намъ ни ощущеніе, ни отвлеченіе, ни размышленіе въ своей особности; крайне нужно напомнить, что истина не рѣдко изнемогаетъ и погибаетъ и въ выспренностяхъ идеализма, и подъ холоднымъ діалектическимъ допросомъ скептицизма; погибаетъ въ школьныхъ состязаніяхъ, какъ и среди разсѣянности міра, а сберегается и питается только въ святилищѣ души, на жертвенникѣ религіознаго убѣжденія. Наконецъ и мистицизмъ, мало по малу, изъ понятій переходящій въ утонченное чувство, снова требуетъ возврата мысли въ лоно отчетливаго сознанія. Такъ въ *противоположностяхъ* философическихъ ученій владычествуетъ разумный законъ. Такъ въ упорной борьбѣ ихъ замѣтна глубокая психическая тактика; и только на истерзанномъ лонѣ сознанія вырастаетъ истина въ ея развитіи, какъ въ изрытыхъ нѣдрахъ земли прозябаетъ сѣмя.

Конечно, при взаимной борьбѣ философическихъ взглядовъ, философемы людей, самыхъ геніальныхъ, скоро должны изживать вѣкъ свой и уступать свое мѣсто другимъ; но и этотъ *упадокъ*, это исчезаніе самыхъ замѣчательныхъ системъ не должны приводить насъ къ осужденію философіи. — Цѣлость содержанія философіи можетъ быть разсматриваема нашею мыслію не иначе какъ только по частямъ; и каждая частная идея, для того, чтобъ развиться и проявить существенные моменты, сокрытые въ ея нѣдрахъ, должна быть изучаема въ своей особности и отдѣльности; чтобъ познать всѣ изгибы идеи, надлежитъ разсматривать ее одну, надобно отдѣлить ее отъ всѣхъ прочихъ идей и изслѣдовать ее въ ея началѣ, продолженіи и концѣ; только послѣ этого исключительнаго испытанія можемъ узнать, что она. Но какъ только развитіе частной идеи истощено, какъ только познали ее со всѣхъ точекъ зрѣнія, то ей не останется уже дѣлать ничего; она исполнила свое назначеніе на сценѣ сознанія и должна уступить свое мѣсто другой, которая, въ свою очередь, смѣнится новою. Жаловаться ли намъ, послѣ этого, на движимость идей, а съ тѣмъ вмѣстѣ на безпрерывное измѣненіе системъ, выражающихъ обыкновенно ту, или другую частную идею? Но это значило бы жаловаться на усовершаемость нашего знанія, на дальнѣйшее поступаніе въ развитіи общаго содержанія философіи. Все человѣчество должно итти впередъ на пути умственной усовершаемости; а философическія оригинальныя системы суть тѣ, болѣе или менѣе, свѣтлыя точки, которыми преимущественно обозначается путь умственной жизни человѣчества. Это торжественныя эпохи, которыми возвѣщаются новые успѣхи человѣческаго вѣдѣнія, новое ощутительное проявленіе безконечной идеи истиннаго. Правда, что философія являетъ себя чрезъ то вѣчно зыблемою и преходящею: но въ этомъ движеніи и прехожденіи и состоитъ жизнь всего конечнаго: и въ природѣ вещественной — тамъ жизнь ея усыплена и подавлена, гдѣ она коснѣетъ въ однѣхъ и тѣхъ же формахъ бытія. Напротивъ, живая сила органическая измѣняетъ и воспроизводитъ свой организмъ, разрушаетъ его, какъ бы недовольная собственнымъ произведеніемъ и вновь расцвѣтаетъ въ формѣ юной, обновленной. Такъ и въ философіи и во всѣхъ человѣческихъ познаніяхъ. Продолжительное господство однѣхъ и тѣхъ же формъ, и такъ сказать, застой умовъ есть печальный вѣстникъ одряхленія и изнеможенія умственной жизни. Но безпрерывное движеніе мыслей, частое появленіе новыхъ взглядовъ и всегдашнее воспроизведеніе новыхъ системъ и формъ науки есть вѣрный признакъ жизни мышленія юной и свѣжей. Если же въ философіи болѣе, чѣмъ въ другихъ наукахъ, выражается это движеніе и прехожденіе, то это потому, что здѣсь преимущественно проявляется жизнь нашего духа.

Пусть разнообразіе, борьба и переходчивость философическихъ взглядовъ положены въ существѣ нашего мыслящаго духа, который неиначе можетъ стремиться къ знанію, какъ только переходя отъ одной частности къ другой, отъ однѣхъ крайностей къ другимъ, противоположнымъ: но при такомъ состояніи

философствованія,—скажутъ намъ,—осуществятся ли когда либо тѣ требованія, удовлетворенія которыхъ по праву должно бы ждать отъ философіи, какъ науки? При этомъ разнообразіи и прехожденіи философскихъ взглядовъ, какое представляется намъ въ исторіи философіи, дождется ли когда либо человѣчество собственно философіи, *единичной и стройной системы философической*, — и въ самой философіи найдетъ ли когда либо *истину*, твердую и неизмѣнную, а не временное признаніе чего либо за истину? При безпрерывномъ столкновеніи и прехожденіи философическихъ системъ, найдетъ ли когда либо духъ нашъ *миръ и успокоеніе* въ области философіи, или онъ вѣчно долженъ тутъ жить въ раздорѣ съ самимъ собою и двигаться по тому же пути несогласимыхъ противорѣчій и сражаться съ заблужденіями, какъ чудовищами, размножающимися отъ самаго пораженія ихъ?

Желаніе *единичной*, стройной философской *системы*, а не розныхъ ученій объ одномъ и томъ же предметѣ, есть самое справедливое желаніе, подкрѣпляемое требованіемъ нашего разума, признающаго законъ единства и гармоніи. Но если законъ единства и гармоніи выражается только при многочисленности и разнообразіи, то это желаніе не можетъ ли найти для себя удовлетворенія въ самомъ разнообразіи существующихъ ученій? Въ розныхъ и съ виду такъ пестрыхъ фактахъ исторіи философіи — не дается ли намъ уже самая философія, единичная и стройная? — Философія, говоря собственно, не есть та, или другая отдѣльная система, система Платона, Аристотеля, Канта, такъ точно, какъ человѣчество не есть тотъ или другой народъ въ частности. Философія, въ истинномъ ея значеніи, есть дѣло всего человѣчества: это есть сознательное развитіе всеобщей идеи вѣдѣнія. Идея вѣдѣнія, какъ неистощимое начало бытія философіи, не есть какое либо частное понятіе, какая либо опредѣленная система; это есть совокупная цѣлость человѣческаго вѣдѣнія, совмѣщающая въ себѣ всѣ понятія съ ихъ формами, но только въ совершенномъ ихъ безразличіи, цѣлость еще сомкнутая въ самой себѣ, неозаренная сознаніемъ, почіющая въ себѣ самой. — Въ философіи, идея эта, въ себѣ покоющаяся и безграничная, выступаетъ изъ своего покоя, приходитъ въ движеніе и ограничивается; въ себѣ самой сомкнутая, хочетъ развиться изъ своего собственнаго нѣдра, дабы, — по выраженію Гегеля, — снова возвратиться къ самой себѣ, *и сдѣлаться тѣмъ, что она есть* (Hegel's Werke. B. XIII. S. 33), т. е. проявить сознательно и раздѣльно то, что она есть темно и слитно, проявить *для себя*, въ дѣйствительности, то что она была *въ себѣ*, въ чистой возможности. — Это дѣйствіе возвращенія идеи къ самой себѣ есть высшая безусловная цѣль ея. Все, что ни происходитъ въ области философствованія, имѣетъ одну цѣль, чтобъ идея, выступая изъ самой себя и отражаясь въ сознаніе, сдѣлалась предметомъ собственной дѣятельности, чтобъ познала себя, нашла себя и сдѣлалась *для* самой *себя*. При этомъ выступленіи идеи изъ самой себя и возвращеніи къ себѣ же, она дивно преобразуется подъ анализиру-

ющими приемами размышленія: единая въ себѣ, она, подобно солнечному лучу, разсыпающемуся отъ призмы роскошною радугою, раздробляется тогда на понятія и мысли отдѣльныя, розныя; чуждая въ себѣ формы, она, какъ Протей, принимаетъ тогда на себя виды безконечно - разнообразные; неподвижная въ себѣ, но выступивъ изъ себя, она не устаетъ въ движеніи, пока не возвратится къ себѣ, пока самосвѣдѣніемъ вполнѣ не исчерпаетъ сокровища, въ ней самой заключеннаго. Но при всѣхъ превращеніяхъ и видоизмѣненіяхъ своихъ она не дѣлается иною. Если она разрозняется, отчуждается себя, выступаетъ изъ себя, то это единственно для того, чтобъ лучше войти въ саму себя, войти съ большимъ, отчетливѣйшимъ самосознаніемъ. Въ своемъ поступательномъ, и вмѣстѣ возвратномъ движеніи къ своему началу, она оставляетъ слѣдъ, обозначаемый множествомъ круговъ, изъ которыхъ въ каждомъ заключаются другіе, частнѣйшіе круги: но эти круги, какъ слѣдъ одной и той же точки, разнообразно, но непрерывно движущейся къ самой себѣ, образуютъ одно цѣлое, окружность одного круга; или, что тоже, — идея всеобщаго вѣдѣнія, въ своемъ развитіи поставляетъ, какъ точки движенія, различныя эпохи, смыкающія въ себѣ разнообразныя философическія школы, въ которыхъ опять заключаются разнообразныя системы, различные взгляды философическіе: но всѣ эти эпохи, секты, системы, понятія, какъ моменты развитія одной и той же идеи человѣческаго вѣдѣнія, образуютъ собою одну и туже философію.

И такъ, та самая множественность, то самое разнообразіе, какое представляется намъ въ исторіи философіи, уже даютъ намъ самую философію. Всѣ философическія ученія вытекаютъ изъ одной и той же идеи, всѣ ищутъ одного, — чтобъ проявить во времени и развить эту идею; всѣ стремятся къ одному, чтобъ идея, выступившая въ нихъ изъ себя, могла посредствомъ ихъ же лучше найти себя и войти въ себя. Различіе системъ, началъ, взглядовъ есть не иное что, какъ различіе формъ, въ которыя облекается одна и таже идея, проявляя во времени, въ своемъ кругопоступательномъ развитіи свое недомыслимое и неисчерпаемое существо. Правда, что безчисленные факты философствующей мысли, разнообразные моменты идеи, раздѣлены по разнымъ временамъ и мѣстамъ, разбросаны по народамъ и эпохамъ, какъ будто нѣтъ между ими никакой связи, никакого соотношенія и единства. Но эта несвязность философскихъ фактовъ, эта видимая случайность ихъ — есть только кажущаяся, мнимая. Каждая въ частности философическая система развиваетъ свою идею, и развивается сама, не наудачу, а обдуманно, съ глубокимъ сознаніемъ необходимости развиваться такъ, а не иначе; и не только развивается сознательно, сама въ себѣ, каждая порознь система, но и слѣдуетъ одна за другою съ такою же необходимостію, съ такимъ же сознаніемъ необходимости, потому что и послѣдовательность системъ опредѣляется идеей самовникающей мысли. А всѣ факты философствующей мысли, представляемые намъ ея исторіею, суть тѣже самыя частныя системы, разви-

вающіяся съ опредѣленною послѣдовательностію; и потому, при всемъ ихъ разнообразіи и видимой нестройности, всѣ онѣ проникнуты однимъ и тѣмъ же духомъ, какъ члены одного живаго организма; всѣ срощены внутреннѣйшею связью и состоятъ въ необходимомъ соотношеніи. — И открыть это необходимое соотношеніе, сознать эту внутреннюю связь самыхъ разнообразныхъ фактовъ философствующей мысли — возможно въ самой исторіи философіи. Здѣсь, таже самая мысль, которая въ философіи стремится къ самосознанію по опредѣленнымъ степенямъ развитія, возвышается надъ самой собою и уразумѣваетъ, какъ стремилась она къ сознанію себя, что сдѣлала на этомъ поприщѣ, и почему сдѣлала такъ, а не иначе. Если по этому, — какъ говоритъ Гегель, — очистить только основныя начала системъ, являющихся въ исторіи, отъ всего, что принадлежитъ къ внѣшней ихъ формѣ и частнымъ примѣненіямъ, то мы тотчасъ увидимъ здѣсь различныя степени идеи, опредѣляемыя діалектически; увидимъ тутъ въ реальности, что въ самой философіи представляется намъ въ чистой возможности, такъ что все многоразличіе фактовъ исторіи философіи предстанетъ тогда предъ нами, какъ самая послѣдовательная и связная система философіи. (Hegel's Werke. B. XIII S. 43.)

Разнородные съ виду факты философствующей мысли выражаютъ единичную и послѣдовательную систему философіи: но чтожъ заключается въ этой огромной, необъятной системѣ? Въ единичныхъ ея фактахъ *истина* ли кроется, или только заблужденіе? И въ самой истинности ихъ, — при ихъ послѣдовательности и безпрестанномъ измѣненіи,—тверда ли и незыблема истина, или это есть только щастливое мнѣніе, быстро и мгновенно, и за то не на долго возвышающееся на степень истины, такъ что вся огромная система философіи есть только обширное кладбище давно вымершихъ ученій?

Не будемъ пристрастны къ философствующей мысли; не скроемъ ея слабостей и недостатковъ. Характеръ идеи есть движимость, развитіе; условіе движимости и развитія — послѣдовательность, частность; условіе частности — ошибка, заблужденіе, разнообразіе заблужденій. И такъ, всякій разъ съ появленіемъ на сценѣ міра новой философической системы, какъ частнаго выраженія въ движеніи идеи, всякой разъ человѣчество встрѣчаетъ новое заблужденіе! Однакожъ и ошибка есть одинъ изъ реальныхъ элементовъ мысли, только взятый исключительно, только признанный мыслію цѣлою; и заблужденіе, какъ односторонность, есть истина же, только истина неполная, а принятая за истину безусловную. Мы не иначе можемъ заблуждаться, какъ только подъ условіемъ мышленія, и слѣд. подъ условіемъ сознанія; а сознаніе возможно только подъ тѣмъ условіемъ, когда находится въ немъ хотя одинъ, необходимый для его проявленія элементъ. Чтобъ состоялось сознаніе чего-либо, хотя бы то ошибочное, надобно непремѣнно, чтобы въ немъ находилось усмотрѣніе какой нибудь реальной вещи, то есть, какой нибудь истины. Слѣд. заблужденіе наше никогда

не есть заблужденіе всецѣлое, совершенное; подлѣ заблужденія должна всегда находиться какая либо истина. И такъ всякой разъ съ появленіемъ новой философической системы, какъ частнаго выраженія въ движеніи идеи, человѣчество встрѣчаетъ не только заблужденіе, но и истину; и слѣд. въ фактахъ исторіи философіи, или что тоже, въ самой философіи, есть заблужденіе, но есть и истина. Только тотъ, кто не знаетъ тайны движенія идеи, тотъ при взглядѣ на такое множество философическихъ системъ, все частныхъ, все односторонніхъ, — думаетъ, что родъ человѣческій всегда заблуждается въ своемъ философствующемъ мышленіи, что его философствованіе есть вѣчный отливъ и приливъ заблужденій; между тѣмъ какъ всякое заблужденіе въ движеніи идеи философіи есть, такъ сказать, частная только форма истины въ преемственномъ чередованіи философическихъ системъ. И это чередованіе ихъ, это прохожденіе въ нихъ истинъ и заблужденій не есть всецѣлая для насъ утрата. Всѣ взгляды, всѣ системы и эпохи философіи, какъ частности и односторонности, разрушаются однѣ другими и проходятъ: однакожъ нѣчто остается при всемъ томъ, остается то, что предшествовало имъ и переживаетъ ихъ, остается человѣчество. Человѣчество все обнимаетъ, пользуется всѣмъ и всегда поспѣшаетъ впередъ. И не только человѣчество, но и самая идея философіи, съ ея степенями развитія, какъ и всякая другая идея человѣчества, не погибаетъ въ ея движеніи и поступаніи. На полѣ сознанія, гдѣ совершается торжественный ходъ ея, мы видимъ не заблужденіе только, но и истину, а истина вѣчна, и въ одно время существуетъ не менѣе какъ и въ другое. Тѣла мыслителей, герои - завоеватели новыхъ идей въ философіи, ихъ временная жизнь, — все прошло; но ихъ подвиги, ихъ творенія, ихъ мысли не послѣдовали за ними, потому что ихъ подвиги есть произведеніе въ свѣтѣ сознанія того, что кроется въ нѣдрахъ безсмертнаго духа. И теперь творенія философовъ, давно сошедшихъ съ сцены земнаго бытія, сложены не въ одномъ храмѣ воспоминанія; и теперь онѣ для насъ также близки и живы, какъ во время своего происхожденія; и теперь почерпаемыя изъ нихъ мысли, напечатлѣнныя въ мысли, составляютъ настоящее бытіе нашего духа!

Въ системахъ философическихъ заключается истина и заблужденіе: какъ же отличить ее отъ заблужденія, когда каждая система себя одну выдаетъ за справедливую, и предлагаетъ свою особую мѣру истины? Всякая новая философія возникаетъ съ притязаніемъ не только опровергнуть всѣ прежнія системы, но и замѣнить ихъ, какъ бы она - то наконецъ нашла истину: какъ же достигнуть здѣсь до внутренняго *покоя и безопасности* убѣжденія? Не слишкомъ ли неблагоразумно было бы искать этой цѣли только въ философствованіи и чрезъ философствованіе?

Неоспоримо, что философія не доставляетъ намъ такого покоя, какого ищетъ въ ней большая часть людей; и тотъ горько обманулся бы, кто понадѣялся бъ

найти въ философіи мягкое изголовье, на которомъ бы можно было отдохнуть отъ изнурительныхъ трудовъ изслѣдованія истины, или и безъ напряженія душевныхъ силъ погрузиться въ спокойствіе духовнаго усыпленія; внутренній миръ самоубѣжденія не приходитъ извнѣ, а возникаетъ въ насъ и чрезъ насъ; но по этому же самому, тотъ наиболѣе зыблется волнами противорѣчивыхъ мнѣній, кто не довѣряя силѣ собственнаго мышленія, ищетъ мира въ авторитетѣ другихъ людей, и слѣд. тотъ, кто не философствуетъ. Напротивъ того, мыслитель самостоятельный, философъ, среди борьбы самыхъ противоположныхъ системъ и взглядовъ, въ своемъ собственномъ, внутреннемъ мірѣ умѣетъ находить твердое, непоколебимое убѣжденіе въ истинѣ: борьба философическихъ ученій съ ея переворотами, — не въ немъ, а внѣ его. Даже въ этомъ враждебномъ столкновеніи мнѣній заключается самое сильное побужденіе къ тому, чтобы дѣйствіемъ собственнаго мышленія, и слѣд. дѣйствіемъ философіи возвыситься надъ всѣми противорѣчіями взглядовъ и въ себѣ самомъ утвердить единство съ самимъ собою.

3.) Наконецъ, нерѣдко осуждаютъ философію, какъ науку, со стороны ея *формы*. Въ двухъ отношеніяхъ можетъ быть понимаема форма науки: какъ внутренняя связь и діалектическое движеніе мыслей — *форма внутренняя, систематичность, методъ*, и какъ опредѣленное выраженіе взглядовъ и понятій науки въ словѣ — *форма внѣшняя*, оболочка науки, *языкъ* ея. Обѣ эти стороны формы служатъ предметомъ укоризнъ философіи. Даже тѣ, которые не отвергаютъ въ ней ни опредѣленности ея содержанія, ни законности способа ея воззрѣнія на вещи, осуждаютъ иногда ту строгую научную форму, какую сообщаетъ философія мышленію, признаютъ излишними и вредными ея діалектическую систематичность и сухой методъ, къ которымъ такъ любятъ обращаться философическія школы; еще болѣе осуждаютъ слишкомъ опредѣленную, нерѣдко жесткую терминологію философскую, отвлеченный, искуственный схематизмъ понятій; однимъ словомъ, осуждаютъ весь формализмъ философическаго мышленія, какъ безполезный приборъ, мѣшающій только свободному движенію мыслей, и желали бы освободить философію отъ строго-логическихъ формулъ ея, дабы привесть ее, какъ говорятъ, къ натуральности, простотѣ, общепонятности.

Всѣ эти желанія относительно философіи, конечно, проистекаютъ изъ хорошихъ побужденій, но не совсѣмъ вѣрны въ своихъ требованіяхъ. Совершенно справедливо, что *строгій методъ*, непреклонная *систематичность*, нѣкоторымъ образомъ сковываютъ мысль, подобно тому, какъ приличія высшаго общества ограничиваютъ и стѣсняютъ первобытную наивность обхожденія: но тѣмъ не менѣе, строгая систематичность необходима въ философіи; эта необходимость основана на природѣ нашего познаванія, на требованіяхъ нашего разсудка и разума. Источникъ всякой истины для человѣка, истины, разумѣю, зависящей единственно отъ человѣка, есть разумъ, какъ ближайшій хранитель идеи истины.

Но мы неиначе можемъ сознавать то, что заключено въ разумѣ, какъ только при посредствѣ логическихъ формъ разсудка, а полное образованіе нашего познанія по логическимъ формамъ и есть система; такимъ образомъ потребность полноты въ образованіи познанія сама собою приводитъ насъ къ формѣ системы. Если, по этому, нефилософствующіе умы съ пренебреженіемъ отвергаютъ въ философіи систематичную форму познаванія, и на каждую систему глядятъ, какъ на ничтожный снарядъ, какъ на пустую формальность, то тѣмъ самымъ они отказываются отъ истиннаго, строго-научнаго развитія своихъ познаній; хотя впрочемъ и они, въ своихъ взглядахъ, никакъ не могутъ обойтись безъ формъ логическихъ, потому что каждый человѣкъ мыслитъ по нимъ также необходимо, какъ необходимо каждое растеніе произрастаетъ въ своей формѣ, въ своемъ видѣ. И не одинъ только разсудокъ требуетъ систематической формы для нашихъ познаній; еще болѣе глубокое основаніе этой потребности положено въ самомъ разумѣ, такъ какъ и логическія формы мышленія получаютъ свое истинное значеніе только отгого, что въ нихъ отражаются и отсвѣчиваются первоначальные законы разума: такъ потребность единства системы опирается на законѣ единства разума, какъ высочайшемъ законѣ истины; и только то истинно для человѣческаго разума, что сообразно съ закономъ единства, что понимается изъ единства, и подчинено единству; какъ въ вещахъ — всю ихъ совокупность, мы по необходимости мыслимъ въ формѣ одного цѣлаго, одного міра, такъ въ нашихъ познаніяхъ понуждаемся все ихъ разнообразіе приводить къ одному цѣлому, къ одной системѣ и подчинять ихъ одному началу. Если строгость системы, по видимому, стѣсняетъ свободный порывъ мысли, то это потому только, что она не дозволяетъ мышленію разливаться безотчетно, а хочетъ подчинить его разумному закону дѣйствованія; но, говоря собственно, законъ разума не только не стѣсняетъ истинной свободы мышленія, или дѣйствія, но еще укрѣпляетъ ее и возвышаетъ. Строгая систематичность философіи для многихъ кажется слишкомъ искуственнымъ образованіемъ мышленія, и потому не натуральнымъ и излишнимъ. Но вообще — это ложный идеалъ натуральности, когда устраняютъ отъ себя всякое образованіе и усовершенствованіе посредствомъ искуства; искуство не искажаетъ природы; и для мышленія, искуственное образованіе не неприлично и не излишне; только здѣсь мышленіе находитъ свое высокое, надлежащее усовершенствованіе. И можно ли, въ самомъ дѣлѣ, мышленіе обыкновенное, чуждое образованности и правилъ, движущееся на удачу, признать способнѣйшимъ къ уразумѣнію истины, чѣмъ мысль научно-образованную и развивающуюся въ пріемахъ познаванія по самымъ строгимъ правиламъ? Развѣ безотчетное, слѣпое вторженіе въ область мыслей былобъ удачнѣй сознательнаго, искусно направляемаго размышленія?

Съ большею справедливостію подвергается осужденію *внѣшняя форма* философіи. Образованное общественное мнѣніе требуетъ отъ философіи,—и по праву, —

чтобъ она не уклонялась отъ общаго разумѣнія, какъ будто какая-либо таинственная наука, доступная только одной ученой кастѣ, чтобъ не выключала себя изъ круга жизни своимъ непонятнымъ, искуственнымъ языкомъ, изысканными и ненужными утонченностями. А между тѣмъ, стоитъ только заглянуть въ творенія нѣкоторыхъ новѣйшихъ Германскихъ философовъ и ревностныхъ приверженцевъ ихъ формализма, чтобы встрѣчать варваро-схоластическій, ненатурально объискуственный языкъ, подъ которымъ часто таятся, какъ подъ непроницаемою бронею, сильныя и глубокія мысли; при чтеніи подобныхъ сочиненій нельзя не убѣдиться въ справедливости жалобъ на невразумительность философіи, и въ умѣстности того чувства неудовольствія, съ какимъ отвращаются многіе отъ тяжелыхъ ея формулъ.

Впрочемъ и эти жалобы справедливы не во всѣхъ отношеніяхъ; и здѣсь вина нерѣдко падаетъ не столько на философію, сколько на тѣхъ, которые жалуются на особенность и невразумительность ея языка. Философія, какъ и всякая другая наука, какъ всякое искуство, должна по самой особенности предметовъ своихъ имѣть свой языкъ. И такъ несправедливо то требованіе, чтобъ языкъ философскій былъ понятнымъ для всѣхъ и каждаго, по крайней мѣрѣ, чтобъ онъ былъ вразумительнымъ даже для тѣхъ, которые вовсе незнакомы съ предметами философическими, — какъ будтобы философію надлежало понимать каждому, безъ школьнаго, научнаго образованія въ ней, потому только, что у каждаго человѣка есть расположенность къ философствованію. Нельзя отрицать, что условія, необходимыя къ философствованію, вообще положены въ природѣ человѣческаго духа, потому что въ каждомъ человѣкѣ живетъ первоначально сила свободнаго мышленія, въ каждомъ можетъ быть чистое побужденіе къ вѣдѣнію и въ каждомъ находится одинъ и тотъ-же законъ разума, отчего издревле говорили, что человѣкъ есть философъ, по самой природѣ своей. И однакожъ мысль эта только въ половину истинна, потому что не одна расположенность къ философствованію дѣлаетъ философомъ, а надлежащее образованіе этой обще-человѣческой расположенности. — И не только по свойству предметовъ своихъ философія должна имѣть свой особенный языкъ, но и по самому способу ихъ разсматриванія. Два есть способа воспринимать предметы уразумѣніемъ и обозначать ихъ свойства: можно воспринимать ихъ со стороны воззрѣнія, чувства, желанія, — вообще подъ формою *чувственныхъ представленій*, и можно уразумѣвать ихъ рефлексомъ, *подъ формою отвлеченныхъ мыслей, категорій, чистыхъ понятій*. Характеръ мышленія философическаго собственно тотъ, что оно поставляетъ чистыя понятія на мѣсто чувственныхъ представленій, которыя суть только *метафоры* понятій. Оттого и языкъ философическій преимущественно обращается въ области отвлеченностей, такъ необходимыхъ въ философіи; и здѣсь-то скрывается главнѣйшая причина его невразумительности для многихъ. Причиной тому — частію неспособность, или лучше сказать, *непривычка* мыслить отвлеченно, удер-

живать единственно чистыя мысли и двигаться только въ ихъ области. Въ нашемъ обыкновенномъ сознаніи, духовный элементъ мысли связуется и соединяется съ чувственнымъ, какъ духъ съ плотію; въ самомъ размышленіи и умствованіи мы обыкновенно привносимъ къ нашимъ мыслямъ чувствованія, воззрѣнія, представленія; а между тѣмъ совсѣмъ иное дѣло — поставлять самыя же мысли предметомъ мысли безъ всякой примѣси чувственныхъ представленій, какъ это должно быть въ философіи. Другою причиною невразумительности философическаго способа выраженій есть *нетерпѣливое желаніе* имѣть въ формѣ чувственныхъ представленій то, что является въ нашемъ сознаніи, какъ мысль, какъ чистое понятіе. Отъ этого такъ часто говорятъ, что при такомъ-то философическомъ понятіи не знаешь самъ, что должно думать, тогда какъ при этомъ понятіи не должно мыслить ничего, кромѣ самаго понятія. Выраженіе это раждается отъ сожалѣнія объ отсутствіи легкаго, давно знакомаго для насъ чувственнаго представленія. При отвлеченномъ мышленіи и отвлеченномъ же способѣ выраженія мыслей, единственно приличномъ философіи, у сознанія какъ бы похищается та почва, на которой оно чувствуетъ себя въ надежной, такъ сказать, родной сторонѣ; и какъ только находитъ оно себя перенесеннымъ въ чистую область понятій, то часто не знаетъ, въ какомъ мірѣ оно находится. И такъ неудивительно, если языкъ философическій для многихъ, даже нѣсколько знакомыхъ съ предметами философіи, кажется слишкомъ тяжелымъ и труднымъ; по самому существу дѣла онъ не можетъ быть такъ свѣтлымъ и легкимъ, чтобъ безъ всякаго напряженія мысли, и какъ бы шутя, можно было понимать его каждому, какъ языкъ романовъ. Конечно, темнота выраженій не всегда бываетъ слѣдствіемъ глубины мыслей, а происходитъ нерѣдко отъ неясности мышленія у самаго философствующаго, и философія по возможности должна заботиться о томъ, чтобъ не удаляться отъ общепринятаго способа выраженія, чтобъ не вымышлять безъ надобности, своего особеннаго языка, и сколько это можно безъ утраты глубины мыслей, стремиться ко всеобщей понятливости. Но съ другой стороны, стремленіе къ общенародности выраженія легко можетъ перейти въ неосновательность; къ тому жъ философія, въ своемъ мірѣ мышленія, нерѣдко упреждаетъ понятія своего времени, и потому для новыхъ мыслей должна творить и новый способъ выраженія; въ такомъ случаѣ, при всемъ желаніи быть удобопонятною своему вѣку, она не можетъ не оставаться невразумительною для него, какъ пришлецъ иноязычный. Такова была, при первомъ появленіи своемъ, философія Канта. Языкъ ея сухой, отвлеченный, но сильный и геніальный, высказывающій мысли новыя и глубокія, долго казался странностію даже для тѣхъ, которые сами могли имѣть притязаніе на имя философовъ. Но при всей непонятности своей, въ свое время, онъ заслуживалъ и теперь заслуживаетъ не порицаніе, а изученіе, какъ языкъ выспреннихъ помысловъ геніальнаго человѣка. Если многіе изъ безчисленныхъ послѣдователей знаменитаго мудреца Кенигсберскаго, не имѣя духа его, хотѣли повторять его звуки, играть его формулами и выраженіями, и впали въ намѣ-

ренную непонятность, зашли въ такую темноту, въ которой едвали понимали и сами себя: то подобнаго рода недостатки философствованія можемъ ли по справедливости ставить въ укоръ самой философіи?

И такъ философія, безпристрастно разсматриваемая въ области наукъ, имѣетъ всѣ права *на достоинство науки*, какъ со стороны своего *содержанія*, такъ относительно *способа*, по которому она разсматриваетъ свое содержаніе и той *формы*, въ какой выражаетъ свои идеи: но такова ли она въ области практики? Имѣетъ ли она свое достоинство и значеніе *въ практическомъ примѣненіи*, котораго по праву можно требовать отъ каждой науки?

II.

Даже и тѣ, которые не отнимаютъ у философіи достоинства въ ея собственномъ чисто-теоретическомъ мірѣ, признаютъ ее вредною и опасною въ практическомъ употребленіи, нерѣдко признаютъ ея вліяніе *вреднымъ въ наукахъ эмпирическихъ* и *опаснымъ для Религіи и Государства*.

1.) Вліяніе философіи,—часто говорятъ тѣ, которые особенно занимаются науками опытными, — вліяніе философіи, съ ея идеальнымъ, трансцендентальнымъ взглядомъ на вещи, наноситъ рѣшительный вредъ эмпирическимъ наукамъ, потому что она, произвольно построевая факты, дѣлаетъ насиліе очевидной дѣйствительности и тѣмъ совращаетъ эти науки съ надлежащаго пути и удаляетъ ихъ отъ ихъ истинной, общеполезной цѣли. Такъ въ наукахъ естественныхъ,— говорятъ защитники эмпиріи, — философія наскоро построевая природу изъ чистыхъ понятій ума, поставляетъ преграду медленнымъ, но основательнымъ наблюденіямъ и изслѣдованіямъ наглядности и замѣняетъ ихъ пустою игрою мнимо-созерцательныхъ мечтаній. При изложеніи исторіи, какъ будто прозирая въ таинственную книгу неисповѣдимыхъ судебъ Божественнаго міроправленія, философія въ бѣдныхъ ея отвлеченностяхъ не только изрекаетъ съ безусловною необходимостію вѣчные законы, по которымъ должны были совершаться событія прошедшія, но и событіямъ грядущимъ предписываетъ опредѣленный ходъ по своимъ умозрительнымъ понятіямъ. Даже положительнымъ наукамъ философія навязала свой умозрительный методъ и породила здѣсь, наприм. ту, такъ называемую Догматику, которая историческую сторону христіанства построеваетъ изъ ума, и положительному церковному ученію, въ своихъ умозрительныхъ понятіяхъ, даетъ насильственное толкованіе.

Что сказать намъ въ оправданіе философіи отъ этихъ нареканій на нее? — Дѣйствительно, философія покушалась иногда построевать эмпирическое содержаніе и были, или даже творить ихъ по чистому умозрѣнію; и нерѣдко она величалась тѣмъ, что возвысилась надъ мышленіемъ общаго разсудка, стѣсняющагося даннымъ эмпирическимъ содержаніемъ, и что успѣла вознестись до высочайшаго, идеальнаго способа познаванія. Такъ уже Фихте въ своемъ *Наукоученіи* замышлялъ произвесть все бытіе изъ чисто-философическихъ началъ; такъ Шеллингъ и Гегель, съ ихъ послѣдователями, покушались своимъ философическимъ умозрѣніемъ возвыситься, независимо отъ эмпирическихъ условій, до абсолютнаго вѣдѣнія всѣхъ вещей. Станемъ ли защищать это самоуправство философіи съ бытіемъ дѣйствительнымъ? Какъ ни значительна доля, которую предоставляемъ мы вліянію философіи на образованіе наукъ эмпирическихъ, все однакожъ не можемъ не допустить, что и она, для собственной полноты своей, требуетъ опыта, потому что умозрѣніе философическое даетъ для нашего знанія только формы и законы, которымъ подчиняются всѣ предметы, а содержаніе нашего познанія получаемъ эмпирически, чрезъ усмотрѣніе; не можемъ не допустить, что философическія познанія суть только условія, при которыхъ мы можемъ понимать данные предметы, а не самые предметы познаваемые; что философія ничуть не можетъ дать намъ былей, дѣйствительности для нашего познанія, а даетъ только законы и сообразный съ ними взглядъ на готовыя были, такъ что всѣ факты, всякая дѣйствительность въ нашемъ познаніи имѣетъ происхожденіе эмпирическое. И слѣд. мы никакъ не будемъ оправдывать философіи, если она переступаетъ завѣтную черту раздѣленія между содержаніемъ и формою, между былями и законами нашего познанія: эмпирія по праву противодѣйствуетъ притязаніямъ на нее эксцентрическаго и насильственнаго умозрѣнія. Понятно, по этому, и простительно, что такъ многіе эмпирики, въ чувствѣ негодованія на зловредность умозрительнаго метода для наукъ точныхъ, недовѣрчиво глядятъ на философію вообще, а особенно — на примѣненіе ея къ наукамъ эмпирическимъ, и заключаются единственно въ сферѣ опыта. Впрочемъ, соглашаясь съ эмпириками до извѣстной степени, мы никакъ еще не должны осуждать философіи. Какъ скоро мы внимательнѣе всмотримся въ ея существо, какъ скоро не станемъ смѣшивать ея злоупотребленія съ ея надлежащимъ употребленіемъ, то мы тотчасъ согласимся, что есть еще другая философія, которая можетъ находиться съ эмпиріею въ совершенномъ мирѣ и согласіи.

Болѣе важны осужденія философіи въ томъ, что будто она, питая своемысліе, оскорбляетъ святыню Религіи безвѣріемъ, а питая своеволіе, разрушаетъ установленный порядокъ гражданской жизни. — Правда, что эти обвиненія философіи, съ постепеннымъ распространеніемъ образованія, и при многостороннѣйшемъ развитіи самой же философіи, со дня на день становятся рѣже; од-

такожъ и доныне еще они повторяются нерѣдко, и слѣд. отвѣтъ на нихъ неизлишенъ.

По словамъ знаменитаго мыслителя Германскаго *Шеллинга*, ближайшій отвѣтъ на эти упреки, несомнительно, былъ бы слѣдующій: »Чтобъ это было за »Государство, чтобъ это была за Религія, для которыхъ можетъ быть опас»ною философія? Будь это дѣйствительно такъ, то вина, въ этомъ случаѣ, дол»жна бы пасть на самую Религію и Государство.« — (Vorlesungen über die Meth. des academ. Stud. Stutt. und Tüb. 1830. S. 103).

При всемъ уваженіи нашемъ къ этому корифею Германской философіи, не можемъ не замѣтить, что слова эти только полуистинны. Они вѣрны, если подъ именемъ Религіи и Государства будемъ разумѣть только чистую, отвлеченную идею. Идея истинной Религіи и благоустроеннаго Государства, какъ идея истины вообще, неразрушима и незыблема, въ какомъ бы отношеніи къ ней ни поставлялъ себя человѣкъ; она превыше всѣхъ его заблужденій и страстей, и не можетъ померкнуть отъ ихъ тучи, какъ лучезарное солнце, далеко вознесенное надъ атмосферою нашей планеты, не можетъ помрачиться ея туманами и облаками. И наоборотъ, та идея Религіи и Государства, безъ сомнѣнія, была бы ложною идеей, для которой могъ бы быть опаснымъ строгій, испытующій взоръ здравой философіи. Но совершенно другое дѣло, когда мы разсматриваемъ идею Религіи и Государства въ ея дѣйствительномъ отношеніи къ человѣку, въ ея временномъ проявленіи. Тогда Религія не есть уже идея самобытная; она заключена въ чувствѣ и помыслахъ человѣка, а здѣсь, при всей чистотѣ и святости своей, она можетъ въ недѣлимыхъ лицахъ помрачаться и извращаться, какъ и всякое чувство, какъ и всякіе помыслы смертнаго. Тогда и государственный порядокъ не есть только мысль отвлеченная; это уже дѣйствительная жизнь людей, общественная дѣятельность существъ чувственно-разумныхъ; а потокъ общественной жизни и дѣятельности людей можетъ принимать какъ ложное и гибельное направленіе, такъ истинное и благотворное. И такъ, если Религія и Государство, понимаемые въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, признаютъ извѣстнаго рода философію опасною для себя, то вина въ этомъ случаѣ не тотчасъ еще падаетъ на самую Религію, на самое Государство. Чѣмъ чище Религія, чѣмъ благоустроеннѣе Государство, тѣмъ вреднѣе была бъ для нихъ та философія, которая несообразна была бы съ ихъ духомъ и вела бъ къ вольнодумству и своеволію. Но дѣйствительно ли эта опасность предстоитъ Государству и Религіи со стороны философіи, понимаемой въ истинномъ ея смыслѣ, — это иной вопросъ, на который мы теперь и обратимъ наше вниманіе.

Философическій способъ воззрѣнія на вещи, какъ способъ умозрительный, отличается отъ всѣхъ другихъ родовъ познаванія свободною дѣятельностію нашего

духа. Философическое мышленіе, по преимуществу, есть мышленіе свободное. Человѣкъ пробуждается къ жизни, преимущественно какъ существо чувствующее. Начальная жизнь его, вся преданная чувственнымъ впечатлѣніямъ предметовъ, его окружающихъ, есть не другое что, какъ игра перемѣнчивыхъ *ощущеній*. Собственная самодѣятельность человѣка слишкомъ еще слаба тогда для того, чтобъ противодѣйствовать этимъ впечатлѣніямъ съ равною силою, и оттого долго остается онъ въ состояніи почти совершенно *страдательномъ*. Чувственныя воззрѣнія даютъ первую пищу его духу, чувственныя желанія и потребности суть первые двигатели его дѣйствій. Мало помалу чувственно-возбуждаемая жизнь устанавливается въ постоянныхъ формахъ; принятыя впечатлѣнія оставляютъ въ мягкомъ и удобоприемлющемъ духѣ постоянные слѣды; появляются привычныя наклонности и пожеланія; переходчивыя усмотрѣнія сосредоточиваются въ памяти и образуются въ мнѣнія; жизнь кристаллизируется въ навыкъ. Въ безотчетной привычкѣ, съ разными предразсудками подрастаетъ тогда духъ человѣческій, и ни одинъ человѣкъ не можетъ избѣжать ихъ въ первые годы своей жизни. Но наконецъ пробуждается въ человѣкѣ, мало помалу, самодѣятельныя сила его духа и вступаетъ въ борьбу съ чувственностію и привычками для защиты самостоятельнаго убѣжденія и свободнаго дѣйствованія. И тогда-то зараждается свободное философическое мышленіе. Въ развитіи отдѣльныхъ лицъ, какъ въ исторіи цѣлыхъ народовъ, всегда выступало къ жизни философическое мышленіе тамъ, гдѣ духъ начиналъ освобождаться отъ узъ чувственности и привычки. И такъ свободное философическое мышленіе, въ противоположность мнѣніямъ, независимо отъ нашего сознанія и познанія, подъ вліяніемъ чувственности въ насъ образовавшимся, есть мышленіе по преимуществу *самостоятельное;* въ противоположность привычнымъ и безотчетнымъ мнѣніямъ и понятіямъ, оно есть мышленіе все устремленное къ непосредственному, живому убѣжденію въ истинѣ.

Это свободное философическое мышленіе, склоняя взоръ свой на явленія нашего внутренняго міра, тотчасъ уразумѣваетъ въ насъ самихъ свободно-дѣйствующее начало, признаетъ въ нашемъ духѣ свободнаго производителя нашихъ мыслей, чувствованій, преднамѣреній и дѣйствій, въ противоположность тому первоначальному его состоянію, въ которомъ онъ, подавляемый чувственностію, выражаетъ себя только страдательно. Конечно, и безъ философическаго мышленія, и даже прежде его, возникаетъ въ глубинѣ человѣческаго духа чувство собственной свободы, какъ живаго источника нравственной жизни: однакожъ къ ясному сознанію приводится это чувство только въ философическомъ мышленіи, какъ свободномъ и притомъ сознательномъ возвышеніи духа надъ принудительною силою природы. Но это сознаніе свободы, производимое самостоятельнымъ философическимъ мышленіемъ, это признаніе духа свободнымъ производителемъ его дѣйствій, какъ добрыхъ, такъ и злыхъ, не имѣетъ ничего общаго съ преступ-

нымъ *своеволіемъ;* только явная злонамѣренность можетъ смѣшивать два эти понятія, совершенно другъ другу противоположныя. Буйное своеволіе, какъ исчадіе ада, есть плодъ неразумѣнія свободы, — этой божественной черты въ нашемъ духѣ, есть слѣдствіе ложнаго, извращеннаго взгляда на существо ея, и ведетъ къ самому жалкому униженію разумной человѣческой природы; а между тѣмъ сознаніе свободы въ томъ видѣ, въ какомъ понимаетъ ее здравая философія, и особенно, въ какомъ изображаетъ намъ ее Слово Божественное, — ведетъ насъ прямо *къ нравственному настроенію*, и къ уразумѣнію нашего высокаго *предназначенія*. Есть сверхчувственный міръ свободныхъ духовъ, которые вознесены далеко надъ безсознательною необходимостію міра физическаго и подчинены другимъ, чисто-разумнымъ законамъ; и мы сами, какъ люди, т. е. какъ свободно-разумныя существа, имѣемъ участіе въ этомъ неземномъ мірѣ: при этой мысли, ясно и живо сознанной, не чувствуемъ ли мы себя вознесенными превыше своекорыстныхъ побужденій и мелкихъ расчетовъ эгоизма; не научаемся ли мы тогда особенно цѣнить, какъ высшую сторону нашей жизни, внутреннее значеніе и достоинство нашего духа, и не тогда ли преимущественно становимся способными къ великимъ подвигамъ, къ дѣламъ безкорыстія и самопожертвованія, которыхъ по праву требуетъ отечество отъ своихъ вѣрныхъ сыновъ? Не при этой ли мысли мы яснѣе сознаемъ свое высокое назначеніе, не тогда ли уразумѣваемъ, что явленія чувственнаго міра должны быть подчинены самодѣятельности нашего духа, а не духъ требованіямъ чувственности? Не тогда ли убѣждаемся, что не слѣпыя страсти, а высоко свѣтящія, какъ звѣзды, на тверди нашего духа, идеи истиннаго, добраго и прекраснаго должны направлять движенія воли на пути нашего дѣйствованія? И слѣд. не тогда ли особенно побуждаемся съ сознаніемъ и ревностію содѣйствовать внутреннему порядку и благосостоянію Государства, какъ ближайшему практическому осуществленію въ человѣчествѣ идеи добра? — И такъ философическое мышленіе, потому что оно есть мышленіе свободное, т. е. отторженное отъ чувственности, не только не опасно по своимъ дѣйствіямъ для благосостоянія Государствъ, а напротивъ того, оно есть одно изъ надежнѣйшихъ и при томъ самыхъ сознательныхъ психическихъ движителей общественнаго порядка.

Съ сознаніемъ свободы и нравственнаго человѣческаго предназначенія мысль наша возносится уже надъ предѣлами конечнаго и паритъ къ вѣчному и безусловному. Уже и по внутреннему чувству возвышается духъ каждаго, даже необразованнаго человѣка, надъ этимъ міромъ явленій съ его конечностію, переходчивостію и несовершенствами, и гадаетъ о высочайшемъ, совершеннѣйшемъ бытіи, но только въ зыбкихъ и неопредѣленныхъ предощущеніяхъ сердца. Уже во внутреннѣйшей глубинѣ каждаго неизвращеннаго человѣка затаено религіозное убѣжденіе естественной вѣры въ жизнь вѣчную и бытіе Бога, но какъ темное чаяніе духа. Философическое, свободно-испытующее мышленіе хочетъ это не

опредѣленное чувство, эту простую, естественную вѣру духа въ высшій порядокъ вещей возвесть до возможно-яснаго сознанія, до крѣпкаго, отчетливѣйшаго убѣжденія. А при этомъ выступленіи изъ первоначальнаго чувства, при этомъ испытующемъ вникапіи въ предметъ простой, естественной вѣры, философическое мышленіе ни мало не становится противникомъ чувства, разрушителемъ вѣры, естественной человѣку, и слѣд. оскорбленіемъ Религіи, почіющей преимущественно въ вѣрѣ. Философическое, свободно-испытующее мышленіе, при глубочайшемъ вникапіи духа въ самого себя, тотчасъ открываетъ въ немъ, какъ первоначальный и высочайшій законъ нашего разума, полагаемый въ основаніе всѣмъ нашимъ убѣжденіямъ, законъ единства и разумной сообразности творенія съ цѣлію. Но міръ, съ его чувственно-познаваемыми предметами, является намъ въ формахъ разнообразія, противоположностей, несовершенства, а слѣд. это не есть то истинное бытіе, какого требуютъ первоначальные, коренные законы разума. Оттого въ чистомъ разумѣ, далеко вознесенномъ надъ чувственными условіями познаванія, въ его высшемъ, философическомъ мышленіи, проявляется неотразимое требованіе, — признавать бытіе высочайшаго, истиннѣйшаго Существа, въ которомъ находятъ свое полное осуществленіе законы единства и сообразности творенія съ цѣлями, признавать это бытіе непосредственно, безъ доводовъ, т. е. признавать одною *вѣрою*. Такимъ образомъ философическое мышленіе, выступая изъ первоначальнаго чувства, доходитъ только до основаній того, что внушаетъ каждому чувство же; исходя изъ простой, естественной вѣры, опять приходитъ къ вѣрѣ же, къ идеальному убѣжденію въ бытіи Существа совершеннѣйшаго. Явно по этому, что философическое, свободно-испытующее мышленіе и познаваніе ни чуть не противоположно вѣрѣ естественной; на высшей степени своего развитія, оно не только не отвергаетъ вѣры естественной, а напротивъ, полагаетъ ее первымъ основаніемъ всякаго возможнаго вѣдѣнія; тѣмъ менѣе философическое убѣжденіе можетъ противодѣйствовать святынѣ вѣры откровенной, къ которой оно обращено всѣмъ существомъ своимъ, потому что, какъ вѣра первоначальнаго чувства не имѣетъ твердости безъ убѣжденія философическаго, такъ философическое убѣжденіе, безъ вѣры откровенной, есть только тревожное состояніе духа, ничѣмъ неудовлетворяющагося; это взоръ самосознающаго разума, отъ земли, его неудовлетворившей, тоскливо обращенный къ небу, въ ожиданіи оттуда высшей, Божественной помощи.

Но философія, какъ одинъ изъ могущественнѣйшихъ возбудителей воли къ осуществленію идеи добра въ жизни общественной, какъ сознательная защитница истины противъ неправыхъ притязаній мечтательнаго всезнанія, философія съ этимъ выспреннимъ ея направленіемъ, подумаютъ, есть удѣлъ не многихъ, а цѣлыя школы и періоды философіи нерѣдко рѣшительно противопоставлялись всѣмъ религіознымъ и нравственнымъ идеямъ и явно предавались матеріализму и эгоизму. — Съ перваго взгляда, это справедливо, потому что исторія чело-

вѣческой мысли представляетъ намъ, дѣйствительно, самыя рѣзкія противоположности въ ея направленіяхъ. Во всѣ времена встрѣчаемъ мы здѣсь великихъ мыслителей, изъ глубины своего духа износившихъ свѣтъ вѣдѣнія, который служилъ путеводною звѣздою для народовъ, невѣдавшихъ истинной Религіи;—встрѣчаемъ тѣхъ благотворительныхъ геніевъ, которыхъ имена сіяютъ и донынѣ въ исторіи человѣчества, вмѣстѣ съ свѣтлыми ихъ мыслями и чувствованіями. Но видимъ нерѣдко, какъ на поприщѣ міра появлялись цѣлыя полчища дерзкихъ мечтателей, которые, желая по своему пересоздать человѣчество, воспламеняли умы своихъ послѣдователей до изступленнаго энтузіазма, презиравшаго все священное въ Религіи и обществѣ. Во всѣ времена Философія имѣла ревностныхъ защитниковъ истины и достоинства человѣческаго, имѣла своихъ мучениковъ; но съ другой стороны, появлялись въ ней нерѣдко и низкіе предатели истины, которые даже въ нѣдрахъ обществъ христіанскихъ хотѣли зародить, и зараждали, духъ своемыслія и своеволія. Самый печальный и самый близкій къ намъ по времени примѣръ тому представляетъ Французская философія, разлившаяся до революціи, въ школѣ такъ называемыхъ энциклопедистовъ, въ сочиненіяхъ Гельвеція, Ла Метри и въ извѣстной *Системѣ Природы*. Это была философія, рѣшительно погрязшая въ самомъ грубомъ матеріализмѣ, издѣвавшемся надъ всѣмъ духовнымъ и идеальнымъ, какъ надъ пустыми грезами; философія, поставлявшая низкій, чувственный эгоизмъ основнымъ началомъ человѣческой жизни, и такимъ образомъ исказившая нравственность въ самомъ ея корнѣ. Такое легкомысленное нападеніе на все священное и высокое въ жизни не могло не заключать въ себѣ разрушительныхъ элементовъ и въ политическомъ отношеніи; политическія теоріи этой школы не могли оставаться безъ вліянія на Французскую революцію и бросили сѣмя, изъ котораго произросъ чудовищный якобинизмъ. Но, такъ какъ это суть заблужденія, зараждающіяся внѣ предметовъ философическаго мышленія, въ поверхностномъ и потому нефилософическомъ умствованіи, то явно, что и это не можетъ быть поставляемо въ вину самой философіи. Кто станетъ утверждать, что это превратное направленіе человѣческой мысли принадлежитъ къ существу философіи? Если идея Религіи, добродѣтели и права положены въ природѣ человѣческаго духа, а философическое свободное мышленіе обращено собственно къ внутреннѣйшей природѣ нашего разума, то по самому существу своему оно должно сознавать и признавать эти идеи; и только отъ тѣхъ, которые выступивъ изъ первоначальнаго чувства, остановились на половинѣ пути къ философствованію, которые заключившись въ безплодной области діалектическаго разсудка, ограничились поверхностнымъ и легкомысленнымъ взглядомъ на вещи, только отъ тѣхъ могутъ укрыться свѣтозарныя идеи истиннаго и добраго. Чѣмъ глубже проникаетъ мышленіе во внутреннѣйшее существо вещей, чѣмъ болѣе оно принимаетъ форму науки, чѣмъ болѣе оно дѣлается философскимъ въ истинномъ смыслѣ этого слова, тѣмъ полнѣй и яснѣй сіяютъ предъ нимъ благотворныя идеи. Гибельное, обра-

щенное противъ Религіи и нравственности ученіе Французскихъ энциклопедистовъ, не есть порожденіе философіи; это слѣдствіе того, что легкомысліе и вѣтренность возобладали надъ наукою и философіею; это плодъ въ самомъ корнѣ поврежденнаго образованія, и съ существомъ философіи не имѣетъ ничего общаго, кромѣ имени. И если первоначальное образованіе философовъ какого бы то ни было народа зависитъ собственно отъ духа и направленія самаго народа, среди котораго являются они, то зловредный источникъ вольнодумства, разливающагося изъ сочиненій мнимыхъ философовъ, вытекаетъ собственно не только не изъ философіи, но даже и не изъ умовъ философствующихъ, а изъ глубокаго нравственнаго поврежденія самаго же народа. Всѣ великіе люди, и въ особенности замѣчательнѣйшіе философы суть представители своего народа; они какъ фокусы только сосредоточиваютъ въ себѣ то, что уже разсѣяно въ народѣ, приводятъ къ сознанію, что и безъ того таится въ духѣ народномъ, только темно и безотчетно. Слѣд., если философы выражаютъ въ своемъ ученіи вредное и превратное направленіе духа, то это единственно потому, что таковъ духъ представляемаго ими народа; они возвращаютъ ему то, что приняли отъ него сами, возвращаютъ только въ другомъ, болѣе развитомъ видѣ; это отливъ волны народныхъ же мыслей и чувствованій, только усиленный новымъ напряженіемъ мысли, болѣе могучей и дѣятельной. Только при этомъ условіи философическое ученіе можетъ имѣть значительное вліяніе на самый народъ; только тогда восхищается онъ философическими идеями, только тогда принимаетъ ихъ съ живымъ участіемъ и усвояетъ ихъ съ восторгомъ, когда находитъ въ нихъ выраженіе своихъ собственныхъ понятій и чувствованій. Въ противномъ случаѣ, философическія идеи, самыя высокія и свѣтлыя, останутся неузнанными, какъ чуждыя духу народному; онѣ не примутся въ общественномъ мнѣніи, какъ растеніе, въ несвойственной для него почвѣ; самыя внятныя и искреннія вѣщанія философіи не найдутъ себѣ сочувствія, замрутъ какъ одинокій звукъ въ пустомъ пространствѣ. Вліяніе народнаго духа на духъ философіи, неоспоримо столькоже, какъ и дѣйствіе философіи на дальнѣйшее развитіе понятій народа. Такъ всегда было и будетъ съ философіею; такъ было съ нею и во Франціи въ XVIII столѣтіи. Не философы развратили народъ и довели его до ужасовъ вольнодумства и своеволія, а народъ развратилъ и испортилъ тѣхъ, которые по дарованіямъ своимъ могли быть философами.

2.) Но если философія, по существу своему, неопасна ни для вѣры, ни для порядка жизни общественной, то конечно, скажутъ, она и непригодна ни къ чему въ практической жизни, въ которой должно дѣло дѣлать, а не философствовать. Эта мысль о безполезности философіи до безмѣрности усилилась въ настоящее время, когда пользу поставляютъ выше всего, стремятся преимущественно къ пользѣ и пользою измѣряютъ и оцѣниваютъ все. Справедливъ ли этотъ упрекъ, дѣлаемый философіи въ ея *безполезности*?

Обращая взоръ на то отношеніе, въ какомъ находится философія къ теперешней, современной намъ жизни большей части людей, мы приходимъ въ крайнее затрудненіе, когда хотимъ оспаривать едва не общую мысль о безполезности философіи. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему пригодна она въ жизни человѣческой? Изъ всѣхъ наукъ она кажется самая безполезная наука. „Тѣмъ, которые посвя„щаютъ ей жизнь свою,“ говоритъ одинъ замѣчательный мыслитель Германскій, „не доставляетъ она ни вѣрнаго дохода, ни прибыльнаго мѣста, ни высокихъ отли„чій; и въ частномъ выполненіи должности не можетъ имѣть она приложенія бли„жайшаго: не нуждается въ ней непосредственно Богословъ для того, чтобъ пропо„вѣдывать и назидать другихъ; не обращается въ ней судья въ дѣлопроизводствѣ „и рѣшеніи тяжебъ; не требуетъ ея содѣйствія врачь, когда предписываетъ ре„цепты; еще менѣе можетъ она помогать въ изобрѣтеніи и улучшеніи ремеслъ.“

Такъ, для исключительныхъ практиковъ философія совершенно безполезна! Но къ чемужъ сама́я польза? Какая цѣль ея? Еслибъ отвѣчали на этотъ вопросъ защитники исключительной полезности, то указалибъ, конечно, или на низшія только цѣли чувственнаго благосостоянія, или на безконечный рядъ однихъ средствъ, неприводящихъ ни къ какой цѣли. И этотъ послѣдній случай есть собственно истинный характеръ полезнаго; только то именно полезно, что служитъ средствомъ къ чему-либо; оттого сама въ себѣ польза не заключаетъ никакой цѣли; а между тѣмъ исключительное стремленіе къ пользѣ, отвергая всякую другую цѣль, ложно выдастъ само себя за цѣль всего, и чрезъ то смѣшиваетъ средства съ цѣлями жизни. Тогда работа и прибыль представляется самымъ главнымъ въ жизни, весь міръ признается фабрикой, жизнь — торговою биржею, а человѣкъ рабочею машиною. Только самостоятельный философическій взглядъ на вещи тотчасъ открываетъ намъ, что все полезное имѣетъ достоинство только какъ средство къ достиженію высшихъ, духовныхъ цѣлей жизни, что мы живемъ не для того только, чтобъ работать, а работаемъ для того, чтобъ жить, т. е. чтобъ истинно жить, чтобъ осуществлять истинныя цѣли нашей жизни. Когда же теряются изъ виду истинныя цѣли жизни, когда польза поставляется выше всего и признается мѣрою для оцѣнки и обсуживанія всѣхъ прочихъ вещей, тогда не погибаетъ ли все высокое и благородное въ жизни народа, вся энергія его духа? Изобрѣтеніе паровыхъ машинъ, устроеніе чугунныхъ дорогъ, становится тогда гораздо важнѣе, чѣмъ самыя значительныя открытія въ области наукъ, и неутомимая заботливость человѣка промышленнаго благороднѣе, чѣмъ вдохновенный подвигъ самопожертвованія для высшей идеи жизни; гдѣ все измѣряется единственно пользою, тамъ нѣтъ и быть не можетъ геройскихъ подвиговъ безкорыстія, самопожертвованія, и вообще истинно великихъ характеровъ. Такъ исключительное стремленіе къ пользѣ становится, по своимъ непремѣннымъ слѣдствіямъ, не говорю безполезнымъ, а вреднымъ и гибельнымъ для духа народнаго!

Неоспоримо, что стремленіе къ пользѣ, ограничиваемое должными предѣлами, составляетъ одну изъ существенныхъ потребностей человѣческой жизни. Но потому только одному, что Философія не подходитъ подъ категорію вещей непосредственно полезныхъ,—должно ли отвергать и унижать ея значеніе для жизни человѣческой? Идея пользы есть первая изъ идей, надъ осуществленіемъ которой должно трудиться человѣчество; но кромѣ идеи пользы есть еще въ разумной человѣческой природѣ нѣчто высшее, нѣчто существеннѣйшее для нашего духа, къ развитію и уясненію чего онъ долженъ стремиться непрестанно. И въ самомъ дѣлѣ; человѣкъ поставленъ на землѣ, въ мірѣ не только чуждомъ для него, но и враждебномъ ему. Скоро изнемогъ бы слабый организмъ человѣка подъ разрушительнымъ вліяніемъ міра стихійнаго, если бы человѣкъ предался ему безотчетно, какъ рабъ послушный. Но человѣкъ научается противопоставлять свою собственную силу, силу разумѣнія и свободной воли, силѣ внѣшней природы и, мало по малу, побораетъ ее, торжествуетъ надъ нею, и является ея самостоятельнымъ владыкою. Устраняя препятствія, ему встрѣчающіяся, измѣняя дѣйствія и явленія физическаго міра, преобразуя, пересозидая ихъ въ свою пользу, онъ творитъ мало по малу художество: первая побѣда человѣческой воли надъ силами природы! Измѣряя пространство, его окружающее, исчисляя предметы, ему представляющіеся, и замѣчая ихъ свойства и дѣйствія, онъ кладетъ основаніе наукамъ математическимъ и физическимъ; и вотъ новое торжество человѣка, — торжество его разумѣнія надъ тайнами природы внѣшней! Эта побѣда человѣка, мало по малу одерживаемая надъ природою, это болѣе и болѣе возрастающее торжество надъ враждебными ея силами, есть постепенное развитіе въ человѣчествѣ первой существенной ему идеи, — идеи *полезнаго!* Славна эта побѣда его: но еще далеко не удовлетворяетъ она требованіямъ его духа. Сквозь глубокую тьму страстей первоначальнаго, еще неустроеннаго общества, какъ молнія, проторгается въ сознаніе человѣка лучь новой свѣтозарной идеи, идеи *правды;* сильнѣй и сильнѣй поражая вниманіе человѣка, наконецъ зароняетъ эта идея въ сердце его неотразимую потребность осуществить ее на дѣлѣ. Тогда является общество гражданское и политическое, какъ осуществленная правда, какъ правда на дѣлѣ. Торжество правды надъ неустроенною общежительностію человѣческою уже блистательнѣе побѣды человѣка надъ силами природы физической, но не предѣлъ благороднымъ его стремленіямъ. При внимательномъ взглядѣ человѣка на внѣшнюю природу, онъ тотчасъ поражается ея величіемъ и красотою, поражается величіемъ и красотою при взглядѣ на океанъ безбрежный, на громады горъ исполинскихъ, при видѣ свѣтлаго звѣзднаго неба, или стройной и величественной фигуры человѣка. Тогда пробудилась въ немъ самомъ идея *изящнаго.* Овладѣвъ ею, человѣкъ развиваетъ ее, очищаетъ и возвышаетъ въ своихъ мысляхъ, и въ творческой фантазіи является идеалъ красоты, предъ которымъ блѣднѣетъ и тускнѣетъ красота отдѣльныхъ предметовъ міра дѣйствительнаго. Тогда пересозидаетъ человѣкъ предметы, пробудившіе въ немъ идею изящнаго, по соб-

ственной идеѣ красоты и творитъ ихъ еще прекраснѣе. Это міръ искуства. Но и этотъ міръ изящнаго недостаточенъ для человѣка. Превыше міра художествъ, общежитія и искуства, человѣкъ усматриваетъ Бога. Сознаніе Бога отличнаго отъ міра, но являющаго свои совершенства въ мірѣ, это *Религія* естественная. Но человѣкъ чувствуетъ въ себѣ еще новую потребность, потребность дать въ предметахъ своего вѣдѣнія отчетъ самому себѣ: это пробужденіе въ немъ идеи *истиннаго*. Но дать отчетъ самому себѣ возможно только при одномъ условіи, при условіи анализа, разложенія того, въ чемъ желаемъ дать самимъ себѣ отчетъ, при условіи преобразованія въ чистыя понятія того, что подвергается изслѣдованію духа. И такъ за естественною вѣрою человѣка, за этимъ простымъ движеніемъ человѣческаго сердца, слѣдуетъ вниканіе, рефлексъ. Но какъ только предался человѣкъ углубленію, анализирующему размышленію, какъ только мысли своей подчинилъ свою же собственную мысль, то въ это самое время родилась уже въ его духѣ *философія!* Достигла ли мысль самой себя? Она достигла своего крайняго естественнаго предѣла. Конечно, она можетъ озариться высшимъ свѣтомъ откровенной Религіи: но это не есть степень ея собственнаго развитія, а дивная Божественная помощь человѣческому роду. И такъ Философія есть высочайшее торжество человѣческой природы, торжество мысли надъ самой собою, вѣнчаемое свѣтозарною идеей *истиннаго!* Удивительно ли послѣ этого, что для искателей обыкновенной пользы, Философія кажется рѣшительно *безполезною?* Область Философіи далеко вознесена надъ областію пользы съ ея прибылью и расчетами, также точно, какъ выше этой области ея все великое и завѣтное въ жизни человѣчества: добродѣтель, искуство, Религія!

Впрочемъ, когда говоримъ мы, что Философія выше области обыкновенной пользы, то по этому только, мы еще ни мало не соглашаемся съ мнѣніемъ тѣхъ, которые думаютъ, будто Философія не имѣетъ никакой цѣны практической. Не доставляя намъ выгодъ жизни обыкновенной, она не остается безполезною для той высшей жизни человѣка и человѣчества, къ которой сама относится она, какъ одно изъ лучшихъ ея проявленій. Тамъ, на свойственной для нея почвѣ, не остается она безплодною также, какъ не остаются безплодными для человѣчества проявленіе идеи справедливаго въ устройствѣ Государствъ, низведеніе идеи изящнаго въ міръ дольный, осуществленіе идеи святаго, идеи Религіи во всѣхъ помыслахъ и дѣйствіяхъ человѣка. Философія, по существу своему, есть чистая любовь къ мудрости, есть стремленіе духа къ сознательному уразумѣнію истины: а кто познаніе истины назоветъ безполезнымъ?

Если же, когда-либо, опыты показываютъ, что Философія остается безъ видимаго вліянія на жизнь человѣка во всѣхъ ея отношеніяхъ: то это зависитъ не отъ Философіи, а отъ мнимыхъ *представителей ея и тѣхъ, для кого представляется она безполезною.* Свѣтлое созерцаніе высшихъ идей человѣческой при-

роды дается не каждому человѣку самою природою. Только избранныхъ своихъ она вводитъ въ то недоступное для другихъ святилище, гдѣ почіетъ идея вѣчной красоты; только посвященнымъ въ ея таинства открываетъ она обликъ изящества неземнаго, и то только въ немногія, рѣдкія минуты вдохновенія; только своимъ любимцамъ позволяетъ природа возноситься до созерцанія идеаловъ прекраснаго и возвѣщать о нихъ міру дольному, то въ гармоническихъ звукахъ, то въ стройныхъ и плѣнительныхъ формахъ. Такъ и въ философіи. Идеи истиннаго, какъ существенное и неоскудѣвающее содержаніе ея, такъ глубоко положены въ нѣдрахъ нашего собственнаго духа, такъ завиты предъ нашимъ собственнымъ сознаніемъ, что многіе усомнились даже въ дѣйствительности бытія ихъ. Потребна особенная сила и крѣпость духа, дабы низойти въ глубину его, озарить ее своимъ сознаніемъ, развить хотя одинъ изгибъ въ завѣтномъ свиткѣ нашихъ идей, постигнуть смыслъ хотя одной черты въ необъятной книгѣ истины, и тѣмъ явить себя достойнымъ дѣятелемъ на поприщѣ философіи, свыше призваннымъ жрецомъ въ ея храмѣ. Но эта сила и крѣпость разумѣнія дается не многимъ. И изъ этихъ не многихъ всѣ ли постигаютъ свое предназначеніе? Изъ тѣхъ, которые темно ощутили въ себѣ высшіе порывы духа, тайное влеченіе къ любомудрію, всѣ ли могутъ, среди неумолимыхъ обстоятельствъ внѣшней жизни, предаться этому благородному стремленію духа? Изъ числа тѣхъ, наконецъ, которые моглибы, при внутреннемъ воззваніи, поспѣшить въ храмъ любомудрія, многіе ли рѣшаются на это дѣйствительно? Не часто ли человѣкъ бѣгаетъ именно того, для чего создала его природа? Не часто ли, какъ бы на перекоръ ей, во всю жизнь свою ищетъ занятій и успѣховъ именно въ томъ, къ чему отказала природа въ способности душевной? Что жъ должно произойти тогда съ философіею? Одни не сознали въ себѣ внутренняго призванія къ ней; другіе не поспѣшили по этому зову: и вотъ являются нерѣдко самозванцы - философы, люди безталанные и безполезные для философіи, собственнымъ недостоинствомъ безславящіе имя ея въ мнѣніи общемъ, какъ имя науки безплодной; непризванные пророки, — они выдаютъ мечты своего слабаго, незрѣлаго духа за свѣтлое видѣніе истины, и звуки собственнаго нестройнаго голоса за ея небесныя вѣщанія.

И не одни только мнимые представители философіи дѣлаютъ ее безплодною для людей, какъ софизмъ пустоцвѣтный. Философія есть самое нѣжное растеніе, требующее не только почвы ему приличной, но и атмосферы благопріятной. Мнѣніе публики — это атмосфера наукъ вообще, и философіи въ частности. Только тамъ роскошно развивается она, цвѣтетъ и приноситъ плодъ свой, гдѣ находитъ общее къ себѣ вниманіе и участіе, общую расположенность и надлежащее содѣйствіе. Напротивъ того, она скоро глохнетъ среди общихъ предубѣжденій противъ нея, преждевременно упадаетъ цвѣтъ ея отъ равнодушія къ ней, и скудный плодъ ея кажется дикимъ и невкуснымъ безъ теплоты сердечнаго въ ней

участія. Это непремѣнно: гдѣ общее мнѣніе признаетъ философію безполезною, тамъ она и дѣлается безполезною, вопреки ея собственной природѣ. Съ другой стороны, философія нерѣдко представляется безполезною только потому, что ожидаютъ и требуютъ отъ нея не того, чего можно и должно требовать отъ ней, требуютъ наприм. чтобъ философія, въ психологіи, научила разгадывать душу такого, или другаго человѣка въ частности; чтобъ она, въ логикѣ, выучила написать то, или другое сочиненіе; чтобы она, въ метафизикѣ, тотчасъ поясняла намъ какія-либо частныя явленія природы въ ихъ ближайшихъ причинахъ и слѣдствіяхъ; однимъ словомъ, желаютъ, чтобъ философія дала намъ свои наставленія для всякихъ, хотябъ-то самыхъ мелкихъ и незначительныхъ обстоятельствъ жизни. Но философія не занимается и не можетъ заниматься этими частностями; она разсматриваетъ только общія формы, общіе законы всякаго бытія, а приложеніе ихъ къ даннымъ частностямъ зависитъ не отъ нея; примѣненіе, и особенно удачное ихъ примѣненіе къ случаямъ, требуетъ еще особаго умѣнья и знакомства съ опытностію. Къ чему же именно, спросятъ насъ, годится философія? Какую доставляетъ она людямъ пользу, хотябъ-то высшаго разряда?

3.) Говорить о *пользѣ* философіи значитъ обращаться, нѣкоторымъ образомъ, къ общимъ мѣстамъ рѣчи. Но для тѣхъ, которымъ непремѣнно нужна польза во всемъ, коснемся здѣсь и этой стороны философіи, скажемъ хотя нѣсколько словъ о ея пользѣ относительно *другихъ наукъ и жизни дѣятельной*.

Мы сказали, что философія занимается только общими законами и формами бытія. Легко могутъ подумать, что отношеніе философіи къ *другимъ наукамъ* ограничивается, по этому, однимъ только вліяніемъ на нихъ чисто-логическимъ. И многіе эмпирики дѣйствительно вѣрятъ, что они оказали совершенное уваженіе достоинству философіи, когда признали полезными для опытныхъ наукъ ея строго-логическія формы, ея опредѣленія, раздѣленія, систематичность, оставляя неприкосновеннымъ для нея самое содержаніе этихъ наукъ. Напр. испытатель природы увѣренъ, что онъ совершенно философически развилъ свою науку, когда своихъ звѣрей, свои растенія и минералы распредѣлилъ по классамъ и разрядамъ въ строго-логической формѣ. Конечно, и эта форма значитъ уже весьма много для опытныхъ наукъ, потому особенно, что приводитъ къ ясному порядку и легчайшему обзору накопленные опытностію матеріалы; однакожъ, употребленіемъ логическихъ формъ мышленія не ограничивается вліяніе философіи на другія науки. Она имѣетъ еще гораздо важнѣйшія формы и глубочайшіе законы,— формы и законы *метафизическіе*, формы и законы не мышленія только, но и самаго бытія. Въ нихъ-то даетъ философія тѣ условія, при которыхъ вообще возможно для человѣческаго познанія эмпирическое бытіе; и въ нихъ то получаютъ эмпирическія науки высочайшія начала, отъ которыхъ должны выступать всѣ ихъ объясненія и теоріи.

Вмѣстѣ съ этимъ открывается, что всѣ частныя, эмпирическія науки болѣе или менѣе нуждаются въ философіи; что всѣ онѣ должны обращаться къ ней, въ ней искать и въ ней находить свои высшіе законы и умственную для себя основу. Такъ естествознаніе должно изъ философіи почерпать свою философію природы, исторія — свою философію исторіи; филологія—философическое ученіе о словѣ, юриспруденція—естественное право, политика—философическое ученіе о Государствѣ, медицина—свои системы и теоріи, основанныя на философіи природы. Не входя въ подробное объясненіе вліянія философіи на каждую изъ этихъ наукъ, коснемся здѣсь только тѣхъ, которыя признаются главнѣйшими въ нашихъ факультетахъ, каковы: *естествознаніе, исторія и правовѣдѣніе.*

Богатство и полнота явленій природы, конечно, ближайшимъ образомъ познаются только воззрѣніемъ и наблюденіемъ, и эта эмпирическая опора не можетъ быть отнимаема безнаказанно отъ наукъ естественныхъ. Кто не согласится, что необыкновенные успѣхи этихъ наукъ въ новѣйшія времена были плодомъ неусыпныхъ наблюденій, неутомимаго собранія фактовъ, осмотрительныхъ опытовъ, а не умозрѣнія, такъ часто терявшагося въ безплодныхъ построеніяхъ? И однакожъ, тѣмъ не менѣе, науки естественныя должны обращаться къ философіи. Наука, собственно, есть подчиненіе частнаго и разнообразнаго закону единства, и потому естественныя науки должны пояснять всѣ отдѣльныя явленія природы изъ общихъ ея законовъ, должны имѣть *теорію природы.* Но каждая теорія предполагаетъ общіе и необходимые законы прежде былей, которыя должны быть еще поясняемы; и слѣд. должна существовать *философія,* или лучше сказать, *метафизика природы,* которая независимо отъ опыта, изъ чистаго разума постановляла бы всеобщіе и необходимые законы природы. Этимъ не требуется для наукъ естественныхъ философическое *построеніе природы,* а только теоретическое объясненіе эмпирическимъ явленіямъ. И истиннымъ методомъ для такого объясненія въ наукахъ естественныхъ признаемъ не движеніе синтеза отъ началъ и законовъ къ былямъ, отъ причинъ къ дѣйствіямъ, а обратный, аналитическій путь, восходящій отъ особыхъ случаевъ къ правиламъ общимъ, отъ дѣйствій къ ихъ причинамъ; однимъ словомъ, не умозрѣніе, а *наведеніе.* Но и самое наведеніе, какъ учитъ логика, возможно потому только, что уже предполагаются общіе законы, къ которымъ были могутъ быть сводимы. И что, въ самомъ дѣлѣ, побудило бы насъ при взглядѣ на измѣненіе природы доискиваться причинъ, еслибъ до того еще не имѣлъ значенія въ нашемъ духѣ законъ причинности? Такимъ образомъ, даже методъ наукъ естественныхъ предполагаетъ бытіе раціональной основы, предполагаетъ философію природы.

Гораздо труднѣе, кажется, подчинить всеобщимъ и необходимымъ законамъ философіи частныя были *исторіи.* Въ природѣ господствуетъ необходимость, которая сама собою приводитъ насъ къ общимъ и непремѣннымъ законамъ явле-

ній; а исторія, напротивъ, есть дѣло человѣческой свободы, рядъ свободныхъ дѣйствій людей: какъ же опредѣлить ее по общимъ и необходимымъ законамъ философическимъ безъ уничтоженія человѣческой свободы? И однакожъ, свобода въ себѣ, идеальная свобода, ни мало не уничтожится, когда дѣйствія людей, какъ явленія, будутъ подлежать закону необходимости. Воля человѣческая свободна въ идеѣ, но въ своихъ временныхъ проявленіяхъ она подпадаетъ подъ законы міра явленій, законы природы; эти только проявленія вносятся въ исторію. Свобода сама въ себѣ вовсе не имѣетъ исторіи; она всегда одна и таже; только явленія свободы измѣняются, и только онѣ образуютъ міръ исторіи. Еслижъ исторія человѣчества есть рядъ временныхъ проявленій человѣческаго духа, то и она, какъ природа, должна быть цѣлостію, связнымъ организмомъ, и ея частныя были, слѣдовательно, могутъ поясняться изъ общихъ законовъ, изъ теоріи, какъ и явленія природы. Эта идея и задача есть исходная точка *философіи исторіи.*

Историческіе факты, какъ и явленія природы, дознаются, конечно, опытомъ; но для совершеннаго знанія еще недостаточно этого. Простой расказъ историческихъ былей еще не можетъ имѣть притязанія на науку. Истинная наука исторіи не есть только хронологическое размѣщеніе событій, простой перечень именамъ Царей, Вождей и Героевъ, списокъ войнъ, пораженій, изобрѣтеній, пестрая смѣсь замѣчательнѣйшихъ происшествій: только единство и порядокъ, планъ и идея, приведенныя къ ясному сознанію, дѣлаютъ исторію тѣмъ, чѣмъ быть она должна, дѣлаютъ наукою. А это возможно только подъ вліяніемъ высшихъ законовъ философіи исторіи. Но законы, по которымъ она хочетъ опредѣлить въ исторіи движеніе событій, не суть законы вѣчнаго, идеальнаго міроправленія, а естественные законы развитія человѣчества; она не можетъ высказать намъ божественные планы о родѣ человѣческомъ, а научаетъ только, по какимъ законамъ развивается человѣчество, сообразно собственной природѣ его; она не построеваетъ исторіи умозрительно, а только поясняетъ ее мало по малу, изъ законовъ человѣческой природы. И слѣд. истинная, разумная основа для исторіи есть *антропологія,* во всемъ ея объемѣ. Кромѣ антропологическихъ, или иначе теоретическихъ законовъ, философія исторіи содержитъ въ себѣ еще *практическіе законы,* по которымъ должны быть обсуживаемы историческія дѣйствія какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ народовъ и временъ. Это законы нравственныхъ цѣлей, тѣ вѣчныя идеи истины и добродѣтели, которыя ведутъ человѣка и человѣчество къ высшему ихъ предназначенію; въ нихъ только можно найти истинную мѣру для практическаго обсуживанія исторіи; въ нихъ сокрытъ тотъ зиждительный элементъ, которымъ все распредѣляется въ исторіи, безъ котораго все спутывается и смѣшивается, или представляется только мертвою необходимостію природы. Слѣдить постепенное осуществленіе высшихъ нравственныхъ идей въ исторіи человѣчества, уловить единство свободнаго, духовнаго развитія человѣчества, — это настоящая задача истиннаго, т. е. философствующаго историка.

Философическій элементъ необходимъ и для *правовѣдѣнія*, будетъ ли оно разсматривать предметъ свой догматически, или исторически. При догматическомъ направленіи, правовѣдѣніе останавливается, такъ сказать, на буквѣ закона, и довольствуется тѣмъ, когда данный матеріалъ отдѣльныхъ законовъ распредѣленъ по строго-логической формѣ и понятъ смыслъ ихъ по первому взгляду и умозаключенію. Но подобное воззрѣніе на законъ недостаточно ни для приложенія его къ дѣлу, ни для науки и законодательства. Кто хочетъ правильно прилагать законы къ случаямъ, тотъ долженъ напередъ выразумѣть ихъ вполнѣ; но истинное уразумѣніе дается только наукою, выводится изъ началъ; а послѣднія начала для уразумѣнія положительнаго права извлекаются изъ философическихъ понятій о правѣ. Истинный смыслъ закона заключается не въ буквѣ, а въ духѣ его. Но духъ законовъ постигается частію изъ историческаго ихъ происхожденія и образованія, а частію, и даже преимущественно, изъ идеи права, первоначально почіющей въ духѣ человѣческомъ, и изъ основныхъ философическихъ понятій о правомъ. Въ этомъ отношеніи, такъ называемая историческая школа имѣетъ уже значительнѣйшее достоинство предъ догматическою, потому что старается постигнуть внутренній смыслъ закона изъ связи его съ прошедшимъ, изъ народнаго духа и изъ первоначальной природы учрежденія правъ. Но и это направленіе правовѣдѣнія недостаточно и неполно безъ участія элемента раціональнаго. Законовѣдѣніе исторической школы есть только средина безъ начала и конца, отрывокъ, безъ точки исходной и конечной цѣли. Школа эта слѣдитъ за историческимъ развитіемъ права и предполагаетъ бытіе и цѣнность его, какъ фактъ историческій; но она не изъясняетъ, какъ вообще право переходитъ въ исторію, какое происхожденіе его въ человѣческой природѣ, куда стремится его развитіе, къ какой цѣли движется оно? Это почерпается только изъ первоначальной идеи права, которая положена въ человѣческомъ духѣ прежде всякой исторіи, восходитъ далѣе всякой исторіи и указываетъ ей путь и цѣль ея движенія. Что права имѣли и имѣютъ свое значеніе въ человѣческой жизни, объ этомъ знаетъ историческая школа; но почему они имѣютъ и должны имѣть значеніе, на какомъ основаніи утверждаются они,—это только философствующій юристъ можетъ показать изъ философіи права; только онъ провидитъ, что право основано на личномъ достоинствѣ людей, какъ существъ разумныхъ, и происходитъ изъ одного источника съ идеей добраго вообще, что это есть не внѣшняя и физическая, а внутренняя и нравственная сила, которой подчиняется человѣкъ по нравственнымъ же побужденіямъ.

Таково вліяніе философіи на другія науки! Но этимъ еще далеко не ограничивается ея польза, простирающаяся на всю *жизнь человѣка* съ ея высшей стороны. Содѣйствуя умственному образованію духа, философія не хочетъ оставаться только мертвымъ знаніемъ, а хочетъ жить и выражать себя въ чувствованіяхъ, намѣреніяхъ и поступкахъ, потому что всякое знаніе, а тѣмъ болѣе знаніе высшее,

состоитъ въ живомъ соотношеніи съ сердцемъ и волею. Конечно, есть случаи жалкаго искаженія природы, когда знаніе вовсе отрекается отъ вліянія на остальныя дѣйствія духа и расторгаетъ связь съ жизнію сердца. И исторія представляетъ намъ не мало примѣровъ того, что и философія устраняла себя отъ практической жизни, теряясь въ безплодныхъ ученіяхъ, въ пустыхъ отвлеченностяхъ. Но здравая философія, и притомъ въ здравомъ духѣ, всегда была и есть практическою въ благороднѣйшемъ значеніи этого слова; не теряя изъ виду своего отношенія къ жизни и ея цѣлямъ, она дѣятельно помогаетъ ихъ осуществленію своими свѣтлыми понятіями. Открываетъ ли намъ философія познаніе истиннаго, сущности, основы всѣхъ вещей? Это познаніе въ здравомъ духѣ дѣйствуетъ и на сердце, отторгая его отъ всего мелкаго и ничтожнаго и направляя къ истинному и существенному. Приводитъ ли насъ философія къ убѣжденію въ бытіи высшемъ, нежели земной міръ съ его переходчивыми явленіями, къ бытію вѣчному, Божественному? Тогда вноситъ она въ нашу душу миръ и спокойствіе, возвышаетъ ее надъ всѣмъ скорогибнущимъ и воспламеняетъ любовію къ небесному. Уясняетъ ли въ насъ философія сознаніе о высшемъ предназначеніи нашей жизни? Этимъ самымъ она возбуждаетъ волю къ его осуществленію, побуждаетъ ее къ чисто-нравственному способу дѣйствованія. Если цѣль философическаго мышленія состоитъ въ томъ, чтобъ вознестись до созерцанія гармоніи вселенной, то быть не можетъ, чтобъ философія не отразила этой гармоніи въ жизни человѣка, чтобъ она не привела въ согласіе съ высшею цѣлію Божественнаго міроправленія мыслей, чувствованій, желаній и дѣйствій того, чьи взоры обращены къ созерцанію этой гармоніи. „Невозможно, говоритъ Платонъ, непрестанно приближаться къ пред„мету съ любовію и удивленіемъ, и не желать уподобиться ему. Оттого философъ, „обращенный къ тому, что Божественно и подчинено закону гармоніи, и въ себѣ „отражаетъ эту гармонію и все Божественное, сколько это возможно для человѣка.“

Еще важнѣе то посредственное, однакожъ существенное вліяніе, какое имѣетъ философія на жизнь человѣческую въ связи съ *Религіею, нравственностію и искуствомъ*. Три свѣтозарныя идеи сіяютъ на тверди нашего духа: идея истиннаго—въ нашемъ разумѣ, идея прекраснаго—въ силѣ чувствованія и фантазіи, идея добраго и Святаго—въ сердцѣ и волѣ. Отсюда—наука, искуство, нравственность и Религія, какъ существеннѣйшія проявленія высшей стороны духа, какъ главнѣйшіе движители въ стремленіи человѣчества къ истинному его предназначенію. Но всѣ эти движенія и проявленія нашего духа суть выраженія одной и той же внутреннѣйшей его жизни; и потому онѣ связаны между собою тѣсно, взаимно поддерживаются и условливаются собою, такъ что въ разлученіи другъ отъ друга легко извращаются и искажаются. Оттого и философія, какъ жизненное начало, какъ душа науки, охраняя въ жизни человѣчества чувство религіозное и нравственное, чувство всего благороднаго и прекраснаго, еще болѣе сама поддерживается и охраняется ими.

И въ самомъ дѣлѣ, неоспоримо, что философія, какъ скоро она желаетъ быть здравою и полною силъ жизненныхъ, должна быть нравственною и религіозною, должна заключать въ себѣ идеи добраго, идеи вѣчнаго и божественнаго. Уклоняясь отъ этого идеальнаго содержанія, философія становится пустою, ничтожною игрою понятій, и погибаетъ въ своихъ умозрѣніяхъ, въ этихъ полярно-холодныхъ странахъ отвлеченнаго разсудка, въ которыхъ замираетъ и цѣпенѣетъ всякая жизнь чувства и дѣйствія. Но съ другой стороны, *Религія и нравственность*, безъ свѣта науки, легко могутъ потемниться. Конечно, Религія и нравственность проистекаютъ не изъ философіи; благочестіе и добродѣтель переходятъ въ жизнь, не дожидаясь, пока наука сообщитъ имъ религіозныя понятія и нравственные законы; никакая философія, никакое умозрѣніе не могутъ дать человѣку силы благочестія; добродѣтель истекаетъ изъ сердца и воли, животворимыхъ напитіемъ высшей, неземной силы. Но оберегаетъ это драгоцѣннѣйшее достояніе наше отъ примѣси чуждаго и сторонняго, между прочимъ, и мысль разумнаго сознанія, философія. Она защищаетъ религіозную вѣру и нравственность противъ невѣрія и суевѣрія.

И *искуство*, какъ Религія и нравственность, есть одинъ изъ представителей высшей стороны духа. Искуство и философія проистекаютъ изъ различнаго источника, философія — изъ идеи истины, а искуство — изъ идеи изящнаго: но истина и изящество условливаются другъ другомъ, также точно, какъ нравственность и Религія, относительно философіи. Истина, для полноты своей, требуетъ изящества; и только въ эстетическомъ воззрѣніи находитъ свою докончанность философическій взглядъ на міръ, потому что наука оставляетъ непроходимую бездну между конечнымъ и безконечнымъ, и только искуство можетъ непосредственно сочетать безконечное съ конечнымъ, какъ изящное: изящное есть не другое что, какъ ощутительное выраженіе безконечнаго въ конечномъ. Но за то и изящество только тогда бываетъ истинно-изящнымъ, когда содержитъ въ себѣ, или представляетъ собою истину, — не ту истину эмпирической дѣйствительности, надъ которою далеко возвышается искуство своей свободно-творческою силою, а идеальную истину бытія вѣчнаго. Она должна отпечатлѣваться во всемъ изящномъ, изъ всего изящнаго должна просвѣчиваться эта истина идей. Оттого и въ жизни оба эти элемента, истинное и изящное, должны проникать себя взаимно и восполняться другъ другомъ. Тогда философія и искуство, въ своемъ соединеніи, будутъ указывать человѣку истинную точку зрѣнія на все бытіе земное, и истинный способъ нравственнаго дѣйствованія: философія, какъ истина, скажетъ ему, что все чувственное, конечное, преходящее не имѣетъ само по себѣ никакого достоинства. Искуство, какъ изящество, напомянетъ ему, что все это, само по себѣ незначительное, есть однакожъ проявленіе и покровъ идей вѣчнаго; а тѣмъ побуждая духъ его стремиться превыше всего переходчиваго и ничтожнаго къ этимъ внутреннѣйшимъ идеямъ вѣчнаго, удержитъ его однакожъ

отъ того мрачнаго взгляда на жизнь, по которому настоящій міръ представляется только темницею духа. При сочетаніи философіи съ искуствомъ, изящество умягчитъ строгость истины, которая, въ своей исключительности, легко можетъ переходить въ суровость; съ другой стороны, истина дастъ надлежащій нравственный вѣсъ тѣмъ изящнымъ дѣяніямъ, которыя такъ легко могутъ ограничиваться одною внѣшностію, безъ внутренняго духа требованій нравственныхъ. Въ такомъ случаѣ вся жизнь человѣка представила бы собой то, чѣмъ быть она должна, выразила бы истину въ нравственныхъ поступкахъ и изящество въ способѣ ихъ выполненія.

Таково вліяніе философіи на всю дѣятельность человѣка въ ея благороднѣйшемъ направленіи! А если это справедливо, если философія дѣйствительно есть животворящее начало наукъ, если она, сколько это возможно для познанія, движетъ практическою жизнію людей въ ея направленіи къ высшимъ цѣлямъ: то какъ отрицать ея высокое практическое достоинство, какъ отвращаться отъ нея, или нападать на нее, не унижая собственнаго достоинства, какъ человѣка, какъ существа нравственно-разумнаго? Не должны ли, напротивъ, всѣ признавать высокое значеніе философіи? Не должны ли всѣ безъ исключенія быть ея поборниками и друзьями? Не должны ли заниматься ею, по возможности, какъ существенною стороною истинно-человѣческаго образованія? Конечно, не всякій человѣкъ въ частности можетъ заниматься науками, а тѣмъ болѣе, не каждый можетъ и долженъ посвящать жизнь свою философіи; но если безъ философіи легко можетъ обходиться тотъ, или другой человѣкъ, это, или иное сословіе, то тѣмъ не менѣе она необходима для народа вообще. Что такое народъ въ своемъ общественномъ быту? какая цѣль существованія Государствъ? Народъ— это не есть толпа существъ соединенныхъ въ одну массу внѣшнею силою, или страхомъ внѣшнихъ насилій, какъ думали нѣкогда французскіе сенсуалисты; общества людей существовали прежде, чѣмъ стали они подвергаться насиліямъ другъ отъ друга. Народъ—это не есть сборъ людей, занявшихъ удѣльный лоскутокъ земли для того только, чтобъ совокупными силами физическими удобнѣе отражать паденія непріятелей, и потомъ спокойнѣе добывать только хлѣбъ насущный, и удовлетворять другимъ потребностямъ и удовольствіямъ жизни просто-животной. Побужденія внутренней, разумной природы, побужденія, заключающіяся въ нашемъ разумѣ, въ нашей волѣ и силѣ чувствованія, хотя въ началѣ и несознаваемыя, влекутъ людей къ общежитію и удерживаютъ ихъ въ общежитіи; для разумныхъ цѣлей живетъ человѣкъ на землѣ: тѣмъ болѣе для осуществленія этихъ же цѣлей образуются Государства подъ верховною властію. Но разумныя цѣли, для которыхъ собственно должны жить и подвизаться народы и все человѣчество, заключаются въ удовлетвореніи высшимъ потребностямъ нашей разумной, духовной природы, заключаются въ осуществленіи идей, положенныхъ Богомъ во глубинѣ нашего духа, въ осуществленіи идеи нравствен-

ности и Религіи, идеи добраго и Святаго, какъ высочайшей потребности для нашей воли, въ осуществленіи идеи прекраснаго, какъ требованія нашей силы чувствованія, и идеи истиннаго, какъ существенной потребности нашего разума; при движеніи къ этимъ цѣлямъ все прочее въ жизни народовъ должно быть признано только средствомъ. А постепенное осуществленіе въ человѣчествѣ идеи истиннаго есть плодъ медленныхъ, тяжкихъ усилій здраваго философствованія. Какъ же отказаться народу отъ занятій философіею, какъ скоро онъ хочетъ стремиться къ осуществленію своихъ истинныхъ цѣлей?

Напрасно нѣкоторые, ссылаясь на духъ настоящаго, такъ называемаго *положительнаго* времени, думаютъ, что теперь всѣмъ и каждому надобно стремиться единственно къ непосредственно-полезному въ жизни, и что потому легко можно пренебречь философіею въ системѣ воспитанія народнаго. Что значитъ это *положительное* время, чего оно собственно требуетъ? Есть различныя эпохи въ жизни человѣчества, какъ и человѣка. Первоначально живетъ и дѣйствуетъ оно инстинктуально, силою непосредственнаго чувства: это періодъ младенчества, золотой вѣкъ человѣчества. За тѣмъ первоначальное чувство уступаетъ мѣсто представленіямъ смысла, который, поражаясь явленіями природы, но, не постигая существа ихъ, обращается къ силѣ производительнаго воображенія и подъ вліяніемъ его творитъ вымыслы и смѣшиваетъ ихъ съ дѣйствительностію: это эпоха человѣчества, начинающаяся героическими временами исторіи и развивающаяся посреди миѳовъ, самыхъ роскошныхъ вымысловъ и поверхностнаго взгляда на дѣйствительность. За этими временами поэтической жизни человѣчества, пробуждается въ немъ потребность сознательнаго дѣйствованія и отчетливаго разумѣнія: это и есть такъ называемое *положительное* время; это эпоха строго-вникающей мысли, отвергающей все непонятное и неестественное, т. е. все, чему не находитъ она причины; это владычество понятія, которое во всемъ доискивается отчетливости, все раздробляетъ, анализируетъ, дабы дойти до послѣднихъ основаній, и разрушенное вновь построить съ знаніемъ дѣла, съ разумнымъ убѣжденіемъ. Но самовникающее понятіе, мысль, во всемъ доискивающаяся основанія и требующая живой, дѣйствительной истины, а не вымысла, или безотчетной довѣренности принятымъ мнѣніямъ,—это и есть собственно мышленіе философическое. И такъ настоящее, положительное время наше не только не отвергаетъ философіи, а напротивъ, только въ ней и чрезъ нее можетъ и должно развиваться и осуществлять свои истинныя требованія.

И такъ ненапрасно и въ нашемъ любезномъ Отечествѣ, по волѣ Августѣйшаго Монарха, мудрымъ и дѣятельнымъ Правительствомъ вводится философія въ систему высшаго общественнаго образованія; ненапрасно и здѣсь, въ этомъ еще новомъ святилищѣ наукъ, поставляется философія на ряду съ другими высокими занятіями благороднаго и любознательнаго юношества. И въ ней

наше Отечество должно искать и находить осуществленіе одной изъ величественнѣйшихъ идей человѣческой природы. Отрадно сказать, что требованіе осуществленія этой идеи уже пробуждается въ духѣ народа Русскаго. У насъ повсюду начали теперь сознавать высокое требованіе народности, а благоразумное стремленіе къ народности можетъ притти въ исполненіе только подъ однимъ условіемъ, подъ условіемъ народнаго самопознанія; между тѣмъ самопознаніе народа, съ своей стороны, можетъ осуществляться мало по малу только тогда, когда онъ, обративъ свою мысль на самого себя, не только изучитъ свою прошедшую жизнь, жизнь своихъ предковъ, какъ историческій фактъ, но изслѣдуетъ свои собственныя, настоящія силы, физическія и психическія, дознаетъ все богатство ихъ для дѣятельности великой и разнообразной, пойметъ свои существенныя потребности, выразумѣетъ, что̀ можетъ онъ сдѣлать своими силами, и къ чему, по этому, онъ долженъ стремиться и въ будущее время. Но это обращеніе мысли къ своему началу, это испытующее самовниканіе, какъ въ отдѣльныхъ лицахъ, такъ и въ цѣлыхъ народахъ, есть предвѣстникъ появленія философіи, или лучше сказать, это есть уже самое философствованіе. И такъ, если мы хотимъ съ успѣхомъ стремиться къ народности, то мы должны обратить теперь свои силы, между прочимъ, и къ изученію философіи; иначе мы пожелали бы достигнуть высокой цѣли, отвергая средство самое существенное.

Какова жъ должна быть философія народа Русскаго, по своему *направленію* и своему *духу*? Философія есть развитіе и уясненіе движеній нашего сознанія; но какъ въ сознаніи нашемъ проявляется три существенныхъ момента: *я*, или духъ познающій, міръ, или *не—я*, и причина того и другаго — Богъ: то главнѣйшихъ направленій и въ философіи должно быть три: систематическое развитіе явленій и законовъ нашего познающаго духа, научное, и притомъ опытное развитіе законовъ міра чувственнаго, и наконецъ примирсніе этихъ противоположностей въ высочайшемъ ихъ началѣ. Первое изъ этихъ направленій господствуетъ въ Германіи; второе развито во Франціи; но ни то, ни другое не удовлетворитъ насъ: философія Русская не можетъ и не должна быть философіею ни Французскою, ни Германскою. По теоріи можно доказать, что чистыя теоріи идеализма, сами по себѣ, въ своемъ отторженіи отъ опыта, теряются въ заоблачныхъ созерцаніяхъ, въ пустыхъ построеніяхъ; но съ другой стороны, тысящелѣтніе опыты свидѣтельствуютъ, что и опытъ, исключительно принятый вождемъ философіи, приводитъ къ результатамъ, совершенно ложнымъ; на концѣ пути, на которомъ движется сенсуализмъ, рано или поздо встрѣчаютъ неосторожнаго мыслителя матеріализмъ, фатализмъ, атеизмъ. Оттого въ Германіи лучшіе мыслители начинаютъ чувствовать потребность не только соединенія теоріи съ опытомъ, но и высшаго примиренія ихъ въ верховномъ началѣ всякаго бытія, идеальнаго и реальнаго. Но двухъ различныхъ направленій одной

и той же идеи не выражаетъ, въ равной степени, одинъ и тотъ же народъ; и потому осуществленіе этого третьяго, еще ожидаемаго *направления* новой философіи должно быть предоставлено иному народу, народу великому и сильному, который, полагая краеугольнымъ камнемъ философствованія не опытъ и не умозрѣніе, а вѣру, съ этой высоты духа могъ бы обнять однимъ взоромъ требованія и опыта и умозрѣнія, и тогда уже воздвигнуть стройное зданіе мысли, завершенное, какъ свѣтозарнымъ куполомъ, идеей всѣхъ идей, идеей Бога. Какому жъ народу предоставленъ великій удѣлъ воздвигнуть это великолѣпное зданіе мысли? Если вѣрно, что нашему Отечеству суждено нѣкогда обобщить частныя идеи теперешнихъ народовъ Европы: то несомнѣннымъ должно быть и то, что ему же предоставлено и это объединеніе противоположныхъ направленій философіи, въ ея высшей основѣ.

Каковъ долженъ быть *духъ* философствованія въ нашемъ Отечествѣ, угадать нетрудно. Философія есть, въ высшей степени, самосознаніе народное; слѣд. въ ней долженъ выражаться собственно духъ самаго народа: а духъ народа Русскаго кому неизвѣстенъ? Примѣрная религіозность, глубокая преданность Отечеству и Царю—вотъ господствующія черты его характера и духа! Этимъ-то духомъ философія нашего Отечества должна быть вся проникнута и животворима, потому что только тогда она будетъ достойною великаго народа Русскаго, только тогда она будетъ философіею національною, произведеніемъ и достояніемъ нашимъ собственнымъ, а не заимствованнымъ. И если гдѣ либо, то неособенно ли здѣсь, въ этомъ святилищѣ наукъ, она должна быть запечатлѣна такимъ характеромъ? Здѣсь поставлена колыбель философіи на тѣхъ завѣтныхъ для насъ берегахъ Борисфена, гдѣ зародилось нѣкогда Отечество наше; здѣсь водружено знамя любомудрія на тѣхъ священныхъ горахъ, гдѣ впервые водруженъ былъ Крестъ Христовъ, какъ залогъ имѣвшаго процвѣсти здѣсь христіанства: а у колыбели Отечества, у самаго исходища нашей Святой Вѣры, какъ не развиваться и любомудрію въ духѣ вѣры и любви къ Царю и Отечеству?